

481917

См. 2 кн. 2

1934

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ ПЕРВЫЙ.

(ПРОЗА).

Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній,
составленный по новой методѣ

Р. А. Зеленогорскимъ.

✓ 1428

ХАРЬКОВЪ.

Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.

1887.

V

Сочиненія того-же автора:

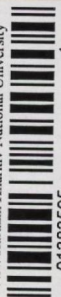
Ученіе Аристотеля „о душѣ“ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. С.-Петербургъ. 1871 года. Цѣна 80 коп.

О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства (изъ исторіи и теоріи методовъ изслѣдованія и доказательства). Харьковъ. 1877 года. Цѣна 1 р. 50 коп.

Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени. Харьковъ. 1885 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Цѣна 45 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University



01383595

4

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

~~V-1428~~

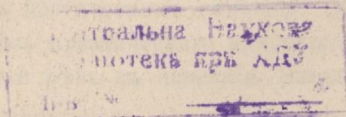
КУРСЪ ПЕРВЫЙ.

(ПРОЗА).



Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, состав-
ленный по новой методѣ

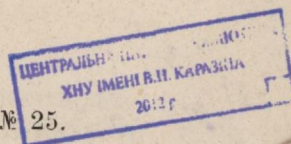
Р. А. Зеленогорскимъ.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25.

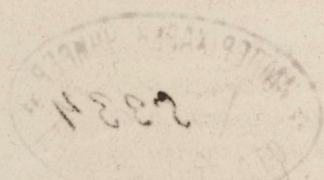
1887.



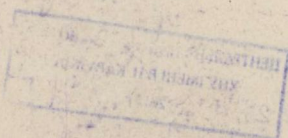
716184

58

8241-2



Дозволено цензурою. Київъ, 13-го Мая 1887 года.



82

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

ГЛАВА I.

Историческій и логическій планы сочиненій.

§ 1. Необходимость плана въ сочиненіи. § 2. Историческій планъ. § 3. Логическій планъ. § 4. Польза дѣленія рода на виды: а) для собиранія матеріала сочиненія и б) для изложенія его. § 5. Гдѣ начинать съ новой строчки въ сочиненіи? § 6. Составленіе приступа въ писаніи. § 7. Описаніе единичнаго предмета. § 8. Дихотомія (дѣленіе на 2 вида).

ГЛАВА II.

Описаніе, повѣствованіе и характеристика.

§ 9. Общіе виды словесныхъ произведеній. § 10. Различіе между описаніемъ и повѣствованіемъ: а) по предмету и б) по плану. § 11. Различіе между біографіею и характеристикой.

ГЛАВА III.

Прозаическія и поэтическія описанія.

§ 12. Дѣленіе описаній на прозаическія и поэтическія. § 13. Прозаическое описаніе. § 14. Поэтическое описаніе. § 15. Внѣшній признакъ поэтическихъ описаній. Метафора. Олицетвореніе. § 16. Смѣсь прозаическаго описанія съ поэтическимъ. § 17. Отрывочная рѣчь въ описаніи. Эпитеты.

ГЛАВА IV.

Характеристика.

§ 18. Знаніе характеристики должно предшествовать знанію разсказа. § 19. Планъ характеристики: дѣленіе цѣлаго

II.

на части. § 20. Общее дѣленіе на внѣшніе признаки и душевныя свойства. § 21. Описаніе наружныхъ признаковъ. § 22. Дѣленіе душевныхъ способностей: а) умъ или познавательныя способности; б) чувствованія и в) воля. § 23. Сравненіе противоположныхъ видовъ характеровъ. § 24. Темпераменты и виды характеровъ. § 25. Темы для первоначальнаго упражненія въ составленіи характеристики. § 26. Характеристика историческаго лица.

ГЛАВА V.

Повѣствованіе или разсказъ.

§ 27. Трудность составленія художественнаго разсказа. § 28. Сложный составъ разсказа. § 29. Описаніе въ разсказѣ. § 30. Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ. § 31. Три части разсказа. § 32. Содержаніе и изложеніе первой части. § 33. Содержаніе и изложеніе второй части разсказа. § 34. Содержаніе третьей части разсказа.

ГЛАВА VI.

Дидактическія сочиненія.

§ 35. Различіе между описаніемъ и разсказомъ съ одной стороны и дидактическими сочиненіями съ другой. § 36. Составныя части дидактическихъ сочиненій. § 37. Необходимыя части разсужденія. § 38. Тема разсужденія. § 39. Доказательства. § 40. Заключеніе. § 41. Приступъ. § 42. Дѣленіе. Логическія правила для составленія дѣленія: а) дѣленіе цѣлаго на части; б) дѣленіе рода на виды. § 43. Доказательства. Доказательство отъ примѣра. § 44. Доказательство отъ противнаго. § 45. Причина доказываемаго явленія. § 46. Методы изслѣдованія причины: а) методъ совпаденія, б) методъ разницы, в) методъ сопутствующихъ измѣненій. § 47. Индуктивныя и дедуктивныя доказательства. § 48. Общія и частныя положенія. § 49. Силлогизмъ и его составныя части. § 50. Виды общихъ положеній. § 51. Значеніе аллегорій, сказокъ, басней и притчей въ доказательствахъ. § 52. Доказательства по аналогіи.

III.

ГЛАВА VII.

Ораторскія рѣчи.

§ 53. Реторика, какъ наука. § 54. Отличіе ораторской рѣчи отъ разсужденія. § 55. Дедуктивныя доказательства въ ораторскихъ рѣчахъ. § 56. Другіе виды доказательствъ въ ораторскихъ рѣчахъ. § 57. Размѣщеніе доказательствъ и изложеніе ихъ. § 58. Необходимость дѣйствія на воображеніе и на чувство. § 59. Характеръ душевныхъ волненій. § 60. Названіе патетической части. § 61. Свойства ума и характеръ знаній оратора. § 52. Различныя классы слушателей и виды страстей, въ нихъ преобладающихъ. § 63. Общія чувства подъ вліяніемъ господствующихъ въ обществѣ идей. § 64. Реторическія фигуры. § 65. Тѣсная связь между воображеніемъ и чувствомъ. § 66. Описаніе и разсказъ въ ораторской рѣчи. § 67. Антитеза или контрастъ. § 68. Обращеніе. § 69. Фигура постепеннаго восхожденія. § 70. Иронія.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Стран. 2 строч. 15 не взяли
" 18 " 9 челоуѣкъ
" 19 " 5 виды
" 44 " 28 приводитъ
" 48 " 14 границѣ

Читай:

ни взяли
челоуѣкъ
виды
приводятъ
гробницѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются и теорія словесности и логика; но преподаваніе ихъ, повидимому, не всегда достигаетъ желаемой цѣли; по крайней мѣрѣ, у оканчивающихъ курсъ замѣчается недостатокъ логическаго образованія и умѣнья излагать мысли въ сочиненіяхъ.

Теорія словесности, преподаваемая безъ логики, мало содержательна и поверхностна; логика, какъ она излагается въ учебникахъ, абстрактна, суха; она мало интересуется учениковъ, еще менѣе вліяетъ на развитіе ихъ мысли. Отъ соединенія теоріи словесности съ логикою выигрываетъ та и другая: теорія словесности дѣлается болѣе содержательною и болѣе основательною наукою; логика же изучается непосредственно въ литературныхъ образцахъ; ея правила воплощаются учениками въ ихъ самостоятельныхъ словесныхъ упражненіяхъ; такимъ образомъ, она теряетъ свою абстрактность и сухость и можетъ интересовать учениковъ болѣе, чѣмъ при непосредственномъ изученіи ея по учебнику.

Съ своей стороны, я не могу себѣ представить, какъ возможно удовлетворительно преподавать теорію словесности безъ помощи логики. Я говорю о томъ отдѣлѣ теоріи словесности, въ которомъ трактуется объ общихъ видахъ словесныхъ произведеній: описаніи, характеристикѣ и разсужденіи съ ораторскою рѣчью. Какъ возможно безъ помощи логики объяснить составъ и сущность, напр., разсужденія? Тѣмъ болѣе, возможно ли научить составлять разсужденія, если ученики не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о логическихъ доказательствахъ? Относительно разсужденій необходимость предварительнаго ознакомленія учениковъ съ общими логическими приемами доказательствъ, повидимому,

VI.

сознается или, по крайней мѣрѣ, чувствуется нѣкоторыми составителями учебниковъ по теоріи словесности. Но они не могутъ согласиться съ тѣмъ, чтобы необходимо было знакомство съ нѣкоторыми элементарными правилами логики для составленія описаній и характеристикъ. Тутъ дѣлается обыкновенно цѣлый рядъ возраженій. Ученики, говорятъ, начинаютъ заниматься составленіемъ описаній такъ рано, что имъ нельзя еще преподавать и самыхъ элементарныхъ правилъ такой отвлеченной науки, какъ логика. Не слѣдуетъ стѣснять начинающихъ упражняться въ сочиненіяхъ какими-либо готовыми формами; слѣдуетъ предоставлять имъ свободу писать, что они могутъ и какъ могутъ. У нихъ есть природная логика и т. д. Кромѣ того, описаніе и характеристика по существу не входятъ въ предѣлы логики. Логика трактуетъ объ общихъ понятіяхъ съ ихъ существенными признаками; описаніе же и характеристика имѣютъ дѣло съ единичными предметами; если въ нихъ преслѣдовать отыскиваніе общихъ признаковъ, то это будетъ значить лишить описаніе характерности, предметъ—его индивидуальности, особенности, обезличить, такъ сказать, его. Наконецъ, съ понятіями имѣетъ дѣло разсудокъ; описаніе же составляется при помощи воображенія. Скажу нѣсколько словъ по поводу этихъ возраженій.

Всѣ эти возраженія представляютъ собою рутину и предразсудокъ.

Рѣзкое разграниченіе между воображеніемъ и разсудкомъ, какъ отдѣльными независимыми способностями, принадлежитъ старой, уже отжившей, психологіи. Равнымъ образомъ, старой отжившей логикѣ принадлежитъ ученіе о рѣзкомъ различіи между представленіемъ и понятіемъ. Нѣтъ и не можетъ быть въ нашемъ представленіи единичнаго предмета, который мы не отчисляли-бы къ извѣстному классу предметовъ; на самой первой ступени познанія окружающихъ насъ предметовъ мы встрѣчаемся съ процессомъ классифицированія ихъ; а всякое классифицированіе есть обобщеніе и абстракція. Различіе между абстрактнымъ и конкретнымъ относительно, а не абсолютно; существуютъ лишь различныя степени абстракціи.

VII.

Извѣстно каждому составителю учебника по теоріи словесности, что предметами описаній бываютъ не только единичные, но и общіе предметы, соотвѣтствующіе общимъ понятіямъ (въ логикѣ) и нарицательнымъ именамъ (въ грамматикѣ).

Къ сожалѣнію, природная логика не пробуждается въ ученикахъ, когда они начинаютъ составлять сочиненія на заданную тему. Они думаютъ, трутъ лобъ, кусаютъ перо и все-таки содержаніе и матеріаль для сочиненія не вызывается въ головѣ. Всѣ они сознаютъ, что писать сочиненіе—мученье и почти всѣ чувствуютъ отвращеніе къ этой работѣ, даже самые лучшіе изъ нихъ. Логическіе приемы должны притти имъ на помощь. Они не только не стѣсняютъ ихъ, напротивъ, какъ я показываю, помогутъ имъ найти матеріаль для сочиненія и изложить его. Я говорю это не какъ теоретикъ, а какъ практикъ. Мнѣ кажется, что безъ логики трудно объяснить ученикамъ даже то, гдѣ слѣдуетъ начинать съ новой строчки въ сочиненіи. Чтобы убѣдиться, что это съ трудомъ дается ученикамъ, для этого достаточно познакомиться съ ученическими упражненіями; нерѣдко пишутся сочиненія въ нѣсколько страницъ безъ всякаго перерыва отъ начала до конца.

Нечего бояться знакомить учениковъ съ элементарными правилами логики, когда они начинаютъ изучать теорію словесности; преподаваніе грамматики и ариѳметики начинается гораздо раньше; а, между тѣмъ, эти науки также отвлечены. Если ученики въ маломъ возрастѣ усваиваютъ различіе между нарицательнымъ и собственнымъ именами, то усвоятъ и различіе между родомъ и видами. Если они понимаютъ различіе между существительнымъ и прилагательнымъ, то поймутъ и различіе между абстрактнымъ и конкретнымъ названіями. Заставьте произвести отъ прилагательнаго качественного существительное, оно и будетъ названіе абстрактное.

ГЛАВА I.

Историческій и логическій планы сочиненій. •

§ 1. *Необходимость плана въ сочиненіи.* Каждое сочиненіе, —будетъ ли оно пространное или краткое, должно быть написано по извѣстному *опредѣленному* плану. Начинающіе учиться составлять сочиненія прежде всего должны познакомиться съ двумя самыми общими и наиболѣе употребительными планами: *историческимъ* и *логическимъ*.

§ 2. *Историческій планъ.* Болѣе естественный, простой и удобопонятный планъ есть планъ *историческій*. Ему слѣдуетъ изложеніе событій, относящихся къ отдѣльной личности или цѣлому народу. Здѣсь событія излагаются въ *хронологическомъ* порядкѣ, т. е. въ порядкѣ времени (*χρόνος* — время; слово греческое); рассказъ объ одномъ событіи слѣдуетъ за рассказомъ о другомъ событіи, потому что послѣднее предшествовало первому по времени. Этому же плану можетъ слѣдовать изложеніе событій, относящихся и къ неодушевленному предмету, если мы рассказываемъ исторію этого предмета и говоримъ о его постепенномъ происхожденіи („Воды“ — Аксакова).

§ 3. *Логическій планъ.* Въ противоположность естественному историческому плану *логическій* планъ можно назвать искусственнымъ; для начинающихъ учиться писать сочиненія онъ кажется болѣе труднымъ и менѣе понятнымъ.

Логическій планъ состоитъ въ *дѣленіи рода на виды и цѣлаго на части*. Онъ употребляется при составленіи описаній и характеристикъ ¹⁾.

¹⁾ О логическомъ планѣ, по которому составляются *разсужденія*, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ грамматикѣ говорится объ именахъ существительныхъ собственныхъ и нарицательныхъ. Имя собственное относится къ единичному предмету, которому оно служитъ наименованіемъ; нарицательное же имя заключаетъ подъ собою множество однородныхъ предметовъ или предметовъ одного *рода*. Этотъ родъ дѣлится на *виды*, такъ что множество однородныхъ предметовъ раздѣлится на нѣсколько группъ; напр. нарицательное имя: „животное“ есть *родъ* и неисчислимое множество животныхъ можетъ быть раздѣлено на *дикихъ* и *домашнихъ* животныхъ, или на животныхъ *хищныхъ* и *травоядныхъ*; такимъ образомъ, животныя *хищныя* и животныя *травоядныя* составятъ два *вида* одного рода или родового названія „животное“ вообще.

Какое бы нарицательное названіе мы не взяли: *деревня, рѣка, гора, городъ* и проч., мы можемъ принимать его, какъ родъ или родовое названіе, и отыскивать его виды. Возьмемъ нарицательное имя: садъ; оно есть вмѣстѣ и родовое названіе или родъ; виды его: *фруктовый садъ, цвѣтникъ, паркъ, ботаническій садъ, зоологическій садъ* и проч. Возьмемъ „лѣсъ“; это — родъ. Виды лѣса: *чернолѣсье и краснолѣсье; молодой лѣсъ и старый лѣсъ* (Аксаковъ).

§ 4. *Польза дѣленія рода на виды.* Чтобы убѣдиться на первый разъ въ томъ, какую пользу можетъ принести логическое дѣленіе рода на виды начинающему учиться составлять сочиненія, возьмемъ составленіе описанія.

а) *для собиранія матеріала.* Составляющій описанія долженъ прежде всего найти и собрать матеріалъ для описанія; потомъ долженъ уметь изложить этотъ матеріалъ такъ, чтобы изложеніе было разумно. Въ томъ и другомъ случаѣ поможетъ ему логическое дѣленіе рода на виды.

Описать что-либо — значитъ представить это что-либо такъ, чтобы каждый читающій наше описаніе могъ тотчасъ узнать нами описываемое, какъ скоро увидить его или познакомится съ нимъ; т. е. описать — значитъ указать отличительные признаки, качества, свойства описываемаго. Такъ какъ по пословицѣ: „вещи познаются чрезъ сравненіе“, то чрезъ сравненіе между собою видовъ одного и того же рода мы легко отыщемъ отличительные признаки, свойства и качества каждаго вида. Сравнимъ, напр., между собою хищныхъ и травоядныхъ животныхъ, насколько они намъ извѣстны по внѣшнему виду и образу жизни, сравнимъ чернолѣсье и краснолѣсье и т. д. Такимъ способомъ мы найдемъ и соберемъ матеріалъ для описанія. Это будетъ такой матеріалъ, какой намъ нуженъ и какой требуется читателю. Собирая его, мы не будемъ находиться въ положеніи такого сочинителя, который, по неопытности, не знаетъ, на что обратить вниманіе при описаніи, о чемъ сказать и чего не говорить, и который (какъ случается нерѣдко съ начинающими учиться сочинять) совсѣмъ иногда не знаетъ, о чемъ писать въ сочиненіи. На этотъ приѣмъ или способъ собиранія матеріала для описанія указываютъ намъ образцы описаній, встрѣчающихся у великихъ поэтовъ. Возьмемъ: „Осень и зима“ — Пушкина:

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.

Здѣсь „осень“, какъ видъ „временъ года“ сравнивается съ „лѣтомъ“ — другимъ видомъ.

б) для изложенія матеріала. Когда собранъ матеріалъ указаннымъ выше способомъ, то изложить его также нетрудно, если мы будемъ руководиться тѣмъ же логиче-

скимъ дѣленіемъ рода на виды. Какъ скоро сдѣлано это дѣленіе, планъ уже готовъ. Принято говорить сначала о родѣ вообще, напр. о лѣсѣ, садѣ, животныхъ вообще, потомъ о каждомъ видѣ въ отдѣльности, — о краснолѣсѣ, чернолѣсѣ; о хищныхъ, травоядныхъ животныхъ.

Выше мы назвали логическій планъ искусственнымъ и труднымъ; теперь онъ не долженъ казаться труднымъ и кто приобрѣтетъ навыкъ въ дѣленіи рода на виды, тому логическій планъ будетъ казаться также естественнымъ, какъ планъ историческій, и свойственнымъ нашей мысли, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ есть.

§ 5. *Гдѣ начинать съ новой строки?* Всякій начинающій учиться сочинять испытываетъ затрудненіе въ томъ, гдѣ начинать рѣчь съ новой строки. У неопытныхъ рѣчь нигдѣ не прерывается до самаго конца сочиненія, вслѣдствіе незнанія того, гдѣ обыкновенно заканчиваютъ рѣчь и начинаютъ новую съ новой строки. Логическій планъ легко устраняетъ указанное затрудненіе и указываетъ сочинителю, гдѣ слѣдуетъ начинать съ новой строчки. Именно: по окончаніи рѣчи о родѣ вообще, когда сочинитель начинаетъ описывать видъ, на которомъ онъ желаетъ сначала остановиться, онъ начинаетъ съ новой строчки; равнымъ образомъ, по окончаніи рѣчи о первомъ видѣ, когда онъ начинаетъ говорить о второмъ, онъ также начинаетъ съ новой строчки и т. д.

§ 6. *Составленіе приступа въ описаніи.* Мы не сказали о томъ, что же сочинитель долженъ говорить о родѣ вообще, напр. о животныхъ вообще, о лѣсѣ вообще и т. д.? Гдѣ взять матеріалъ для этой части сочиненія и какъ его собрать? Аксаковъ начинаетъ свое описаніе „лѣса“ словами: „Лѣсъ есть краса природы“. Но къ

красѣ природы относятся и вода, и поле. Значить: „лѣсъ“ принимается въ свою очередь, какъ видъ, и родъ его есть „краса природы“. Сравнимъ лѣсъ съ водою, полемъ и отыщемъ отличительную красу лѣса въ сравненіи съ красою водъ и полей. Это и будетъ матеріалъ для первой общей части сочиненія или приступа.

§ 7. *Описаніе единичнаго предмета. Дѣленіе цѣлаго на части.* Еще одинъ пунктъ остается невыясненнымъ: какъ или въ какомъ порядкѣ излагать матеріалъ, относящійся къ тому или другому виду?

Для ясности мы должны обратиться здѣсь къ объясненію того, какъ составляются описанія единичныхъ предметовъ. Каждый единичный предметъ дѣлится на *части*. Это и есть дѣленіе, которому можетъ слѣдовать сочинитель при описаніи единичнаго предмета. Безъ этого дѣленія неопытный сочинитель будетъ затрудняться въ собираніи и изложеніи матеріала (также, какъ безъ вышеуказаннаго логическаго плана). Представимъ, что великолѣпное майское утро выбрано ученикомъ для перваго опыта въ составленіи описанія. Для нашей цѣли пусть будетъ это единичный предметъ или цѣлое, состоящее изъ частей. Первая картина или часть будетъ небо и воздушная сфера; далѣе, описаніе будетъ направлено на землю, гдѣ сначала представится картина неодушевленной природы: лѣсъ, рѣка, поля, потомъ — природы одушевленной, гдѣ въ свою очередь можетъ быть сдѣлано дѣленіе, какъ-то: птицы, звѣри или животныя вообще и, наконецъ, человѣкъ. Этотъ планъ можетъ быть и не выполненъ во всей его строгости и онъ необязателенъ; тѣмъ не менѣе, для начинающаго онъ будетъ руководителемъ при собираніи, а равно и изложеніи матеріала, если онъ (сочинитель) затрудняется при составленіи описанія. Тѣмъ же слѣдуетъ руково-

даться и при описаніи каждаго вида въ отдѣльности въ томъ случаѣ, когда при составленіи описанія сдѣлано дѣленіе рода на виды, т. е. раздѣлить видъ на части, какъ единичный предметъ.

Хотя описаніе единичнаго предмета, повидимому, составляется иначе, чѣмъ описаніе рода съ его видами, т. е. здѣсь предметъ дѣлится на части, но сравненіе и здѣсь необходимо, чтобы составить хорошее литературное описаніе; такъ напр. можно составить описаніе С.-Петербурга и Москвы, руководясь сравненіемъ при этомъ описаніи. Пушкинъ, воспользовавшись указаннымъ способомъ дѣленія, далъ намъ въ своемъ романѣ: „Евгеній Онѣгинъ“ образцовое описаніе характеровъ двухъ личностей: Ленскаго и Онѣгина.

§ 8. *Дихотомія (дѣленіе на два вида).* При дѣленіи рода на виды нужно стараться, по возможности, дѣлить родъ на два противоположные вида.

ГЛАВА II.

Описаніе, повѣствованіе и характеристика.

§ 9. *Общіе виды словесныхъ произведеній.* Простѣйшіе и самые общіе виды словесныхъ произведеній суть: описаніе, повѣствованіе и характеристика. Они одинаково встрѣчаются въ прозаическихъ и поэтическихъ словесныхъ произведеніяхъ.

§ 10. *Различіе между описаніемъ и повѣствованіемъ:* а) по предмету и б) по плану. Строго говоря, нужно различать только два вида изъ указанныхъ трехъ: описаніе и повѣствованіе; характеристика же не имѣетъ отличительныхъ чертъ въ сравненіи съ описаніемъ и повѣствованіемъ; особенно же она сходна съ описаніемъ.

Описываются главнымъ образомъ предметы неодушевленные, существующіе въ пространствѣ и взятые въ извѣстный опредѣленный моментъ времени. Предметъ повѣствованія — дѣйствія лицъ и событія, сюда относящіяся, которыя случились и относятся уже къ прошедшему времени. Описание излагается по логическому плану; повѣствованіе — по историческому плану въ хронологической послѣдовательности событій.

Наиболѣе существенное отличіе описанія отъ повѣствованія состоитъ въ планѣ. Что же касается предметовъ описанія и повѣствованія, то здѣсь нельзя найти строгаго разграниченія. Кромѣ неодушевленныхъ предметовъ описываются и одушевленные, даже внутреннія душевныя состоянія: размышленія, чувства или душевныя волненія, наклонности, привычки и проч. Равнымъ образомъ, можно повѣствовать или рассказывать о событіяхъ, относящихся къ исторіи неодушевленнаго предмета. Но разъ принять авторомъ извѣстный планъ, — логическій или историческій, мы знаемъ, куда отнести его произведеніе, — къ описанію или повѣствованію. Можно написать на одну и ту же тему и описаніе, и повѣствованіе и это не будетъ смѣшеніе двухъ видовъ словесныхъ произведеній; напр. „катанье на лодкѣ“ можетъ быть и предметомъ разсказа и предметомъ описанія.

§ 11. *Различіе между біографіею и характеристикю.* Особо наглядно выражается зависимость различія между описаніемъ и повѣствованіемъ отъ плана изложенія въ біографіи и характеристикѣ.

Характеристика, какъ она обыкновенно понимается, т. е. описаніе характера извѣстной личности, сходна съ повѣствованіемъ въ томъ, что предметъ ея есть извѣстное дѣйствующее лицо, а равно — и въ томъ, что пишущій характеристику пользуется указаніями на собы-

тія, относящіяся къ жизни этого лица. Но она сходна и съ описаніемъ и отлична отъ повѣствованія въ томъ, что беретъ характеръ лица, какимъ онъ является въ извѣстный опредѣленный моментъ времени; если она касается событій изъ жизни этого лица, то они излагаются не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ это необходимо бываетъ въ повѣствованіи, а въ логическомъ, т. е. они размѣщаются по свойствамъ и чертамъ характера, согласно логическому дѣленію, предварительно сдѣланному авторомъ.

Такимъ образомъ, если авторъ будетъ излагать событія изъ жизни извѣстной личности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ дѣтства и кончая старостію этой личности, то онъ напишетъ біографію этой личности; если же онъ возьметъ эту личность въ извѣстномъ возрастѣ, напр., въ возрастѣ мужества, укажетъ на преобладающія черты его характера и подтвердитъ свои указанія различными событіями изъ его жизни, то онъ напишетъ характеристику этой личности. Существенное различіе между біографіею и характеристикой будетъ такимъ образомъ заключаться въ планѣ, сообразно съ которымъ собирается матеріалъ и излагается въ сочиненіи: въ характеристикѣ излагаются не всѣ событія, относящіяся къ жизни характеризуемой личности; біографія, напротивъ, должна изложить по возможности всѣ событія, даже такія, которыя самъ біографъ можетъ находить неважными. Неопытные, только начинающіе составлять характеристики, по трудности составленія ихъ, нерѣдко составляютъ біографію вмѣсто характеристики. Но знаніе необходимости логическаго плана для характеристики предостережетъ ихъ на первый же разъ отъ такого промаха.

ГЛАВА III.

Прозаическія и поэтическія описанія.

§ 12. *Дѣленіе описаній на прозаическія и поэтическія.* Въ сочиненіяхъ знаменитыхъ писателей и поэтовъ мы встрѣчаемъ два вида описаній: а) описанія *поэтическія* и б) описанія *прозаическія*. Въ чемъ состоитъ поэтическое описаніе и какъ отличить его отъ прозаическаго, понять и уразумѣть это на первый разъ не легко, такъ какъ нужно знать, чѣмъ отличается поэзія отъ прозы, а это составляетъ трудный вопросъ.

Постараемся объяснить различіе между поэзіею и прозою, насколько это нужно для того, чтобы понять различіе между поэтическими и прозаическими описаніями.

§ 13. *Прозаическое описаніе.* Прозаическое описаніе изображаетъ предметъ такъ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности. Здѣсь требуется точность и полное соотвѣтствіе описанія описываемому предмету. Гдѣ нужно, тамъ мы должны прибѣгнуть къ мѣрѣ (измѣренію) и вѣсу. Языкъ описанія долженъ быть точнымъ — безъ украшеній.

§ 14. *Поэтическое описаніе.* Поэтическое описаніе изображаетъ предметъ не въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности.

Спрашивается: ужели возможно, чтобы описаніе изображало предметъ не такъ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности?

Отвѣтимъ прежде всего на вопросъ: возможно ли для насъ представлять предметъ не такъ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности? Это не только возможно, но бываетъ съ нами не рѣдко. Это случается съ нами подъ вліяніемъ извѣстнаго нашего душевнаго настроенія, особенно подъ вліяніемъ какого-нибудь силь-

наго чувства или душевнаго волненія. Въ связи съ чувствомъ дѣйствуетъ наше воображеніе, такъ что въ воображеніи возникаютъ образы, соотвѣтственные чувству и душевному настроенію. Объяснимъ примѣрами. Представимъ себѣ, что мы забрели какимъ нибудь образомъ на кладбище, въ ночное время при лунномъ освѣщеніи. Подъ вліяніемъ охватившаго насъ чувства страха мраморные могильные памятники могутъ показаться намъ мертвецами въ бѣлыхъ саванахъ; тѣни, отбрасываемыя другими памятниками и деревьями, могутъ представить намъ страшилищами, напоминающими сказочныя страшилища дѣтства. Такихъ примѣровъ, гдѣ мы облекаемъ дѣйствительные предметы въ образы нашего собственнаго воображенія подѣ вліяніемъ чувства и душевнаго настроенія, можно указать нѣсколько. Особенно удобно наблюдать это у дѣтей. Послѣднія весьма склонны олицетворять окружающіе предметы. Достаточно указать на игру въ куклы. Послѣднія дѣйствуютъ и поступаютъ, какъ живыя существа; напр. куклы, изображающія людей, отправляются въ гости, разговариваютъ между собою и проч. Мы сами весьма склонны къ олицетворенію окружающей насъ неодушевленной природы. Когда мы находимся въ веселомъ настроеніи духа, то это настроеніе мы переносимъ и на окружающую насъ природу; мы готовы, какъ дѣти, завести разговоръ, напр., съ цвѣтами, деревьями и проч. (нѣкоторые дѣйствительно разговариваютъ, особенно съ животными). Бываютъ минуты, когда намъ пріятно перенестись въ сказочный фантастическій міръ и тогда образы смѣняются одни другіе. Въ это время самыя обыкновенныя предметы, останавливающіе наше вниманіе, если только мы не закрываемъ своихъ глазъ, нерѣдко облекаются въ тѣ фантастическіе образы, которые овладѣли нашимъ

воображеніемъ; нужны два (главнымъ образомъ) условія для того, чтобы совершилось указанное превращеніе: а) чтобы предметъ не имѣлъ опредѣленной фигуры, каковы облака, тѣнь и проч., или находился въ дали отъ насъ, въ туманѣ, теряя для насъ опредѣленные очертанія, и б) имѣлъ какое нибудь подобіе съ нашимъ образомъ, напр., старая хижина, наклонившаяся на бокъ, съ подпоркою, удерживающею ее отъ паденія, издали подобна дряхлой старухѣ съ клюкою.

Если возможно такое превращеніе дѣйствительныхъ предметовъ въ образы, которыми занято подѣ въліяніемъ чувства наше воображеніе, то возможно и описаніе предмета не въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности. И такія описанія есть у поэтовъ. Возьмемъ для примѣра стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“

Что дремучій лѣсъ призадумался?
Грустью темною затуманился?
Ты стоишь, поникъ и не ратуешь
Съ мимолетной тучей—бурею, и проч.

Видъ поэтическихъ описаній, характеристика котораго представлена (съ указаніемъ образца), показываетъ, чѣмъ отличается поэтическое описаніе отъ прозаическаго. Въ поэтическомъ описаніи отпечатлѣвается душевное настроеніе поэта; въ немъ изображается не то, каковъ предметъ самъ по себѣ, а то, какое впечатлѣніе и какія чувства испыталь поэтъ, какіе образы наполнили его воображеніе въ присутствіи описываемаго предмета; словомъ, — изъ поэтическаго описанія мы узнаемъ не столько самый предметъ, сколько внутреннюю жизнь и внутренній міръ поэта. Для краткости ученый выразился бы такъ: поэтическое описаніе отличается *субъективнымъ* характеромъ въ противоположность *объективности* прозаическаго описанія.

§ 15. *Внѣшній признакъ поэтическихъ описаній. Метафоры.* Внѣшній признакъ поэтическаго описанія состоитъ не въ томъ, что оно будетъ написано стихотворною рѣчью (такъ какъ поэтическія описанія нерѣдко пишутся прозою), а въ томъ, что языкъ его *метафорическій, образный*.

Метафора, по переводу съ греческаго языка, значитъ *перенесеніе*. Признаки однихъ предметовъ переносятся на другіе, отличные отъ нихъ. Чаще переносятся признаки неодушевленныхъ предметовъ на одушевленные и на оборотъ: признаки одушевленныхъ предметовъ на неодушевленные. Примѣры метафоръ, встречающихся у поэтовъ и въ разговорномъ языкѣ, многочисленны: „языкъ его остръ, какъ бритва“; „огонь горитъ въ глазахъ“; „лучъ надежды“; свѣтъ природы“; „источникъ жизни“; „потокъ рѣчей“; „путь истины“; „звѣзда на умственномъ горизонтѣ“; „мрачное чело“; „печаль тяжелымъ свинцомъ лежала на душѣ“; „розовые надежды“ и т. д.

Олицетвореніе. Если переносятся признаки одушевленныхъ предметовъ на предметы неодушевленные, то въ частности это называется *персонификаціею* или *олицетвореніемъ*.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,

Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла, и проч.

Необходимость метафоръ въ поэтическихъ описаніяхъ понятна послѣ того, что сказано раньше объ этихъ описаніяхъ.

§ 16. *Смѣсь прозаическаго описанія съ поэтическимъ.* Составить поэтическое описаніе считается труднымъ; для этого нужно, говорятъ, родиться поэтомъ. Но, съ другой стороны, со многими метафорами мы такъ свыклись,

стремленіе къ олицетворенію природы и предметовъ неодушевленныхъ до такой степени намъ свойственно, что трудно написать прозаическое описаніе безъ того, чтобы не употребить метафоръ и не допустить олицетвореній; напр., мы говоримъ: „солнце заходить и восходить“, „рѣка бѣжитъ“, не подозрѣвая того, что мы употребляемъ метафору. Равнымъ образомъ, едвали вполне возможно составить прозаическое описаніе безъ того, чтобы въ немъ не отразилось то впечатлѣніе, которое предметъ произвелъ на автора, и не высказалось то чувство, которое вызвалъ онъ въ авторѣ. Поэтому, мы часто встрѣчаемъ описанія смѣшаннаго характера, особенно у не опытныхъ авторовъ. Болѣе опытные писатели, стараясь быть вѣрными въ описаніи какого либо предмета, высказываютъ обыкновенно свое впечатлѣніе и выражаютъ свои чувства или въ началѣ описанія или въ концѣ его; чаще — въ концѣ. Для этого присоединяется къ описанію отдѣльная часть, которая исключительно посвящается личному впечатлѣнію и выраженію чувствъ. Конечно, эта часть не существенна въ прозаическомъ описаніи; но ее нельзя назвать излишнею по различнымъ причинамъ: а) авторъ, приберегая изложеніе своего впечатлѣнія и своихъ чувствъ къ концу, старается быть точнымъ въ описаніи тамъ, гдѣ отъ него требуется это; б) читатель можетъ извлечь изъ этой части описанія свои соображенія, или же, подобно автору, увлечется впечатлѣніемъ предмета и вмѣстѣ съ нимъ отдастся пріятному чувству наслажденія красотою природы.

§ 17. *Отрывочная рѣчь въ описаніи. Эпитеты.* Въ описаніи рѣчь должна быть по преимуществу *отрывочная*. Въ поэтическихъ описаніяхъ кромѣ метафоръ преобладаютъ *эпитеты*, т.-е. прилагательныя.

ГЛАВА IV.

Характеристика.

§ 18. Знаніе характеристики должно предшествовать знанію разсказа. Послѣ описанія принято говорить о повѣствованіи или разсказѣ; но удобнѣе первоначально познакомиться съ характеристикой и потомъ уже съ повѣствованіемъ по двумъ причинамъ: а) характеристика сходна съ описаніемъ или вѣрнѣе—она составляетъ одинъ изъ видовъ описанія и б) если подъ именемъ повѣствованія разумѣютъ не простой дѣтскій разсказъ, а художественное словесное произведеніе, то въ него необходимо входитъ характеристика дѣйствующихъ лицъ; ее-то и нужно научиться составлять раньше, чѣмъ приступить къ упражненію въ составленіи повѣствованія.

§ 19. Планъ характеристики: дѣленіе цѣлаго на части. Планъ характеристики—логическій. Характеръ лица представляетъ собою *цѣлое*, состоящее изъ различныхъ душевныхъ свойствъ (ума, чувствъ и воли); поэтому слѣдуетъ при составленіи характеристики прибѣгать къ *дѣленію цѣлаго на части*.

§ 20. Общее дѣленіе на внѣшніе признаки и душевныя свойства. Прежде, чѣмъ перечислять внутреннія душевныя свойства, принято указывать на внѣшніе, наружныя признаки характеризуемаго лица. Поэтому, при составленіи характеристики, слѣдуетъ имѣть въ виду первоначально общее дѣленіе: а) на *наружныя признаки* и б) на *внутреннія свойства души* и руководиться этимъ дѣленіемъ.

§ 21. Описаніе наружныхъ признаковъ. При описаніи наружныхъ признаковъ характеризуемаго лица нужно стараться слѣдовать предварительно составленному дѣленію: сказавши объ общемъ впечатлѣніи, какое произво-

дить характеризуемое лицо, слѣдуетъ въ частности остановиться на лицѣ („лицо есть зеркало души“), особенно на выраженіи глазъ, — на манерѣ держать себя и т. д.

Пушкинъ въ романѣ: „Евгеній Онегинъ“ говоритъ о Ленскомъ, что онъ имѣлъ „кудри черныя до плечъ“. Другіе при описаніи наружныхъ признаковъ характеризуемаго лица не забываютъ указать, напр., на то, что у героя на правой щекѣ находится родинка. Слѣдуетъ ли здѣсь — при описаніи наружныхъ признаковъ соблюдать какое либо правило? Всѣ ли безъ различія наружные признаки слѣдуетъ указывать? Если не всѣ, то какіе именно слѣдуетъ указывать? Цѣль характеристики требуетъ, чтобы указывались тѣ изъ наружныхъ признаковъ, которые являются вѣшнимъ выраженіемъ характера, или — какого либо душевнаго свойства, какой либо частной черты характера. Очевидно, что сюда относятся тѣ изъ наружныхъ признаковъ, которые пріобрѣтаются и вырабатываются самимъ характеризуемымъ лицомъ, а не даются ему отъ природы. По этому правилу можно и должно говорить, напр., о манерѣ держать себя, объ обстановкѣ, среди которой живетъ характеризуемое лицо (если она создана имъ самимъ по своему вкусу), объ образѣ жизни, даже о покроѣ платья, и не говорить, напр., о томъ, что есть на лицѣ родинка, что носъ курносый, и тому подобномъ.

§ 22. Дѣленіе душевныхъ способностей. Составить характеристику трудно. Эта трудность зависитъ отъ самаго предмета. Трудно изучить свойства души человѣка. При изученіи этихъ свойствъ удобно и полезно пользоваться *психологическимъ* (Психологія — наука о душѣ) дѣленіемъ душевныхъ способностей на *умъ, чувство и волю*.

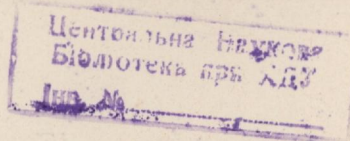
а) *Умъ или познавательныя способности*. Подъ *умомъ* разумѣются всѣ такъ называемыя *познавательныя спо-*

способности: внѣшнія чувства, воображеніе, память, разсудокъ. Ихъ можно раздѣлить: а) на способности, при помощи которыхъ мы приобретаемъ знанія о внѣшнемъ мірѣ и о внутреннемъ или душевномъ; б) способности, при помощи которыхъ сохраняются и снова воспроизводятся приобретенныя нами знанія и в) способности, при помощи которыхъ перерабатываются приобретенныя нами знанія. Къ первымъ относятся *внѣшнія чувства* (зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе) и *внутреннее чувство*, чрезъ которое мы знаемъ голодъ, жажду, боль, радость, горе, надежду, любовь, ненависть, — словомъ, все, что мы испытываемъ, чувствуемъ, переживаемъ въ самихъ себѣ. Ко вторымъ (сохраняющимъ и снова воспроизводящимъ знанія) относятся *память* и *воспоминаніе*, а также — такъ называемое *воспроизводительное воображеніе*. Къ третьимъ (перерабатывающимъ знаніе) относятся *разсудокъ* и такъ называемое *творческое воображеніе* или фантазія. Творческое и воспроизводительное воображеніе различаются между собою тѣмъ, что творческое воображеніе создаетъ нѣчто такое, чего въ дѣйствительномъ мірѣ мы встрѣтить не можемъ въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ намъ творческое воображеніе, между тѣмъ какъ воспроизводительное воображеніе воспроизводитъ лишь образы предметовъ, которые мы наблюдали въ окружающемъ насъ мірѣ когда либо раньше. Переработка приобретаемыхъ знаній бываетъ двоякая: или она состоитъ въ *сочетаніи* того, что воспринято чувствами порознь и по частямъ, или въ *раздѣленіи* того, что воспринято чувствами вмѣстѣ, слитно. Сочетаніе принадлежитъ творческому воображенію, а раздѣленіе — разсудку. Такимъ образомъ, когда говорится, что творческое воображеніе создаетъ нѣчто новое, то нужно знать, что матеріалъ для творчества оно полу-

часть готовый, приобретенный по частямъ чрезъ внѣшнія чувства и внутреннее чувство. Разсудокъ есть высшая познавательная способность. Кромѣ раздѣленія, различенія, отвлеченія (абстракціи), ему принадлежитъ составленіе *умозаключеній* или заключеній отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, — отъ того, что видимъ, — къ тому, чего не видимъ, — отъ настоящаго къ прошедшему или будущему, отъ ближайшаго къ отдаленному, отъ присутствующаго къ отсутствующему, вообще — отъ того, что очевидно, — къ тому, что неочевидно. Человѣка, обладающаго хорошимъ разсудкомъ, мы называемъ разсудительнымъ и сообразительнымъ, т. е. такимъ, который умѣетъ вѣрно и точно различать вещи и составлять правильныя заключенія.

Люди неодинаковы по способностямъ ума. У однихъ бываетъ сильно развито воображеніе; у другихъ преобладаетъ разсудокъ. У однихъ бываетъ хорошій слухъ и склонность къ музыкѣ; другіе склонны къ живописи и къ различенію цвѣтовъ и т. д. Даже у одного и того же человѣка въ различные періоды жизни являются преобладающими различныя способности ума: въ молодости преобладаетъ воображеніе; въ возрастѣ мужества преобладаетъ разсудокъ и т. д.

б) *Чувствованія*. Подъ *чувствомъ* разумѣется наша способность чувствовать пріятное и непріятное, радость и горе, любовь и ненависть, отчаяніе и надежду, страхъ, гнѣвъ, дружбу и т. д. Всѣ эти состоянія души отличаются отъ умственныхъ способностей тѣмъ, что человѣкъ, находясь въ какомъ либо изъ этихъ состояній, не остается спокойнымъ, а испытываетъ нѣкоторое душевное волненіе, которое обнаруживается въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ признакахъ, — въ краскѣ или блѣдности лица, дрожаніи голоса, движеніяхъ рукъ и т. п. Они иногда называются



емоціями (Emotio — движеніе). У различныхъ субъектовъ преобладають различныя чувства. У однихъ преобладають эгоистическія или себялюбивыя чувства; другіе богаты добрыми и гуманными чувствами. Одни легко возбуждаются чувствомъ страха; другіе, напротивъ, храбры и отважны до неустрашимости. Смотря по тому, какія чувства преобладають у человѣка, мы судимъ о его характерѣ.

в) *Воля*. Человѣкъ не только познаетъ и чувствуетъ, но и дѣйствуетъ. Последнее относятъ къ *воли*, какъ третьей душевной способности. О человѣкѣ нерѣшительномъ говорятъ, что онъ имѣетъ слабую волю; о человѣкѣ, который дѣйствуетъ и поступаетъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ, по указанію или по приказанію другихъ, говорятъ, что онъ совсѣмъ не имѣетъ воли. Воля можетъ находиться или подъ вліяніемъ наклонностей, влеченій и животныхъ страстей, или — подъ вліяніемъ чувствъ, или, наконецъ, подъ вліяніемъ разсудка. Все это опредѣляетъ свойства и направленіе характера.

§ 23. *Сравненіе противоположныхъ видовъ характеровъ*. Возможно ли при составленіи характеристики пользоваться логическимъ *дѣленіемъ рода на виды* и сравненіемъ противоположныхъ видовъ, какъ это было указано въ описаніи? Возможно и необходимо, дабы составленіе характеристики сдѣлалось болѣе легкимъ и самая характеристика получила большую отчетливость и цѣльность. Въ литературныхъ произведеніяхъ мы нерѣдко встрѣчаемся съ тѣмъ, что авторъ параллельно характеризуетъ два противоположные характера. Для примѣра укажемъ на Онѣгина и Ленскаго, Татьяну и Ольгу въ романѣ Пушкина: „Евгеній Онѣгинъ“. Хотя въ романахъ и повѣстяхъ характеризуются, повидимому, единичныя личности, называемыя собственными именами, тѣмъ не менѣе

цѣль автора состоитъ въ томъ, чтобы въ этихъ личностяхъ представить намъ *типы* людей, встрѣчающихся въ жизни. По характеру можно дѣлить людей на извѣстныя группы, классы, виды. Это и даетъ возможность сопоставлять и сравнивать противоположныя виды при составленіи характеристики.

§ 24. *Темпераменты и виды характеровъ.* Прежде всего дѣлятъ людей по *темпераменту*. Однихъ по темпераменту называютъ *сангвиниками*, другихъ — *флегматиками*, третьихъ — *меланхоликами*, четвертыхъ — *холериками*. По характеру люди раздѣляются на большее число группъ, чѣмъ по темпераменту, такъ какъ здѣсь существуетъ большее разнообразіе среди людей. Намѣтимъ только главные и общіе типы людей. Есть люди, которые любятъ „хорошо пожить“ и цѣль жизни ставятъ исключительно въ томъ, чтобы хорошо ѣсть, пить и веселиться. У другихъ цѣль жизни состоитъ въ постоянномъ и непрерывномъ стремленіи къ приобрѣтенію богатства и къ наживѣ; въ эту сторону они направляютъ всѣ свои силы и всю дѣятельность. Третьи увлекаются стремленіемъ къ власти и господству надъ другими. Жажда власти и господства надъ другими является у нихъ преобладающею надъ всѣми другими потребностями и стремленіями, — страстію, которая управляетъ всѣми силами и способностями души. Есть характеры, въ основаніи которыхъ лежитъ стремленіе къ славѣ. Ради славы и извѣстности люди съ такимъ характеромъ готовы жертвовать всѣмъ, — имуществомъ, спокойствіемъ, удовольствіями жизни и здоровьемъ; увлеченные стремленіемъ къ славѣ, они не дорожатъ иногда своею собственною жизнію и пренебрегаютъ опасностями. Есть и друзья челоѣчества, которые работаютъ въ жизни на благо другихъ, дѣлаютъ различныя добродѣтели, заботятся о

бѣдныхъ и слабыхъ и т. д., забывая о себѣ и своихъ личныхъ интересахъ.

§ 25. *Темы для первоначальнаго упражненія въ составленіи характеристики.* Для первоначальнаго упражненія въ составленіи характеристики полезно упражняться въ составленіи описаній на такія темы, какъ, напр., описаніе дѣтства, юности, мужества, старости, или описаніе сангвиника, флегматика, меланхолика. Этого рода описаніе можно назвать простѣйшимъ видомъ характеристики. Здѣсь приходится автору останавливаться, какъ на внѣшнихъ, наружныхъ признакахъ, такъ и на внутреннихъ, душевныхъ свойствахъ. Сравненіе противоположныхъ видовъ здѣсь весьма удобно. Далѣе можно перейти къ такого рода описаніямъ, въ которыхъ въ описываемую картину входятъ группы людей, подвижныхъ различными чувствами; напр. описаніе „бала“, „похоронъ“, „последняго дня въ гимназіи передъ каникулами“. Здѣсь требуется умѣнье раздѣлить цѣлое на части, людей на группы и т. д.

§ 26. *Характеристика историческаго лица.* Что касается составленія характеристики того или другаго историческаго лица, то здѣсь не представляется, повидимому, особенныхъ трудностей, если намъ извѣстна его жизнь. Однако практика показываетъ противное: нерѣдко два историка даютъ намъ совершенно различную характеристику одного и того же историческаго лица. Когда характеризуется извѣстный типъ людей, то не представляется особенно большихъ затрудненій къ тому, чтобы собрать и сгруппировать главныя черты характера этихъ людей съ помощью сравненія этого типа съ противоположнымъ ему типомъ. Гдѣ встрѣчается сомнѣніе, тамъ всегда возможно прибѣгнуть къ наблюденію надъ людьми этого типа. Историческое же лицо есть

лицо единичное и сравненіе не всегда удобно. Такъ какъ предметомъ характеристики служить историческое лицо, то непосредственное наблюденіе здѣсь невозможно. Здѣсь легко принять второстепенное за главное и упустить изъ вниманія главное. Для историка весьма важно быть знакомымъ прежде всего съ различными характеристиками встрѣчающихся въ жизни людей, а также съ характерами, изображаемыми въ литературныхъ произведеніяхъ великими поэтами.

ГЛАВА V.

Повѣствованіе или рассказъ.

§ 27. *Трудность составленія художественнаго рассказа.* Принято считать составленіе рассказа болѣе легкимъ, чѣмъ составленіе характеристики и даже описанія. Но искусно составить рассказъ не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго раза.

§ 28. *Сложный составъ рассказа.* Художественный рассказъ, о которомъ здѣсь говорится, есть *сложный* видъ словесныхъ произведеній. Въ него входятъ, кромѣ изложенія событій, описаніе, характеристика дѣйствующихъ лицъ и краткая біографія ихъ.

§ 29. *Описаніе въ рассказъ.* Кто читалъ повѣсти и романы, тому извѣстно, что рассказу о событіяхъ предпосылаются описанія природы, мѣстности, гдѣ происходитъ событіе, обстановки, среди которой происходитъ событіе. Безъ декорацій не бываетъ представленія на театрѣ. Онѣ служатъ необходимымъ дополненіемъ къ піесѣ, дабы довести по возможности зрителей до того состоянія, въ которомъ они забываютъ, что видятъ передъ собою театральное представленіе, а не дѣйствительность. Описанія въ рассказѣ занимаютъ тоже мѣ-

сто, которое занимають на театрѣ декораціи, и присоединяются къ разсказу съ тою же цѣлію, т. е. чтобы читатель съ помощію воображенія представилъ себѣ сцену дѣйствія. Далѣе актеръ обязанъ гриммироваться и быть одѣтымъ въ костюмъ сообразно съ представляемымъ имъ лицомъ. Въ разсказѣ для этой цѣли служить описаніе наружныхъ признаковъ дѣйствующаго лица. По этимъ признакамъ наше воображеніе стремится создать образъ лица, хотя бы это лицо и не существовало въ дѣйствительности. Этотъ образъ не рѣдко бываетъ такимъ отчетливымъ въ нашемъ воображеніи, что мы могли бы нарисовать его на полотнѣ, если бы владѣли искусствомъ живописца.

§ 30. *Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ.* Кромѣ описанія наружныхъ признаковъ дѣйствующихъ лицъ авторъ даетъ намъ въ разсказѣ *характеристику* ихъ или описаніе преобладающихъ въ нихъ душевныхъ свойствъ. Сверхъ того онъ присоединяетъ и біографію ихъ, если найдетъ это нужнымъ.

Въ разсказѣ особенно необходима характеристика дѣйствующихъ лицъ. Каковъ характеръ, таковы и дѣйствія, отсюда вытекающія. Если сильны преобладающія въ характерѣ чувства, то нужно ожидать, что они обнаружатся въ грандіозныхъ дѣйствіяхъ, особенно, если они столкнутся съ стольже сильными и могущественными противодѣйствующими чувствами и силами въ другихъ.

§ 31. *Три части разсказа.* Разсказъ состоитъ изъ *трехъ частей*. Въ первой части разсказчикъ останавливается обыкновенно на событіяхъ, предшествовавшихъ главному событію и подготовившихъ это послѣднее. Здѣсь же дается и характеристика дѣйствующихъ лицъ. Вторая часть посвящается изложенію главнаго событія. Въ

третьей части говорится о послѣдствіяхъ главнаго событія или о послѣдующихъ событіяхъ.

§ 32. *Содержаніе и изложеніе первой части.* Въ первой части авторъ prepares читателя къ главному событію, которое составляетъ предметъ разсказа. Уже въ этой части онъ долженъ возбудить въ немъ сильный интересъ къ разсказываемому — на столько сильный, что бы явилось у читателя непремѣнное желаніе прочесть разсказъ до конца. Не мало можетъ содѣйствовать этому характеристика дѣйствующихъ лицъ; по крайней мѣрѣ, авторы художественныхъ разсказовъ представляютъ намъ въ своихъ произведеніяхъ образцы этого рода. Если сильные характеры сталкиваются между собою и вступаютъ въ борьбу изъ за какихъ либо жизненныхъ интересовъ, то борьба бываетъ смертельная. На чьей сторонѣ останется побѣда, напередъ предвидѣть бываетъ весьма трудно. Понятно, что въ такомъ случаѣ у читателя является нетерпѣливое желаніе знать исходъ борьбы и читать разсказъ до конца. Достаточно указать здѣсь на два примѣра: а) „Полтавскій бой“ — Пушкина (поэма его: „Полтава“) и б) „Пѣснь про царя Ивана Васильевича Грознаго, опричника его Кирѣбѣвича и купца Калашникова“ — Лермонтова. Въ „Полтавскомъ боѣ“ вступаютъ въ борьбу, съ одной стороны, Карлъ XII, — король Шведскій, опытный полководецъ, одержавшій цѣлый рядъ побѣдъ; онъ ведетъ въ сраженіе испытанное въ бояхъ войско, которое самонадѣянно вѣритъ въ успѣхъ, въ непобѣдимую силу своего вожда и само считаетъ себя побѣдимымъ; и полководецъ и войско воодушевлены стремленіемъ къ славѣ и новымъ побѣдамъ; съ другой стороны, — Петръ Великій, не приобрѣтшій еще военной славы и опытности, но великій умомъ, крѣпкій духомъ, отважный и энергич-

ный; онъ вѣлъ въ битву молодое, неопытное въ бояхъ, но всецѣло преданное ему войско, которое готово грудью стоять за отечество, за царя и за вѣру, не страшась смерти. На чьейже сторонѣ останется побѣда?!.. Равнымъ образомъ въ пѣсни Лермонтова идетъ поэтический рассказъ о столкновеніи между царскимъ опричникомъ Кирибѣвичемъ и купцомъ Калашниковымъ (первый оскорбилъ жену втораго), которое окончилось кулачнымъ поединкомъ. Не даромъ царскій опричникъ Кирибѣвичъ былъ любимцемъ царя Ивана Васильевича Грознаго: ему ли не быть силачемъ и искуснымъ бойцомъ? у него ли недоставало отваги и храбрости? ему ли уступить неизвѣстному купцу? Скромень купецъ Калашниковъ; нѣтъ у него самонадѣянности и заносчивости Кирибѣвича, но онъ глубоко чувствуетъ нанесенное ему оскорбленіе, — такъ глубоко, что безповоротно рѣшилъ или отомстить врагу въ „честномъ бою“, или умереть. Которая же изъ этихъ двухъ силъ побѣдитъ?!

§ 33. *Содержаніе и изложеніе второй части рассказа.* Вторая часть рассказа, заключающая въ себѣ изложеніе главнаго событія, на которомъ сосредоточенъ весь интересъ рассказа, требуетъ отъ автора особеннаго искусства для ея составленія. Хотя эта часть—главная въ рассказѣ, тѣмъ не менѣе она не должна быть слишкомъ пространна и растянута. Коль скоро первую часть возбуждено въ читателѣ чувство интереса, то во второй части оно должно возрасти, а не ослабѣвать. Последнее (ослабленіе чувства) легко можетъ послѣдовать, если рассказъ во второй части будетъ слишкомъ растянутъ. Наши чувства непродолжительны: онѣ быстро возникаютъ, но также быстро и ослабѣваютъ. Съ другой стороны, при быстротѣ рассказа во второй части должна быть соблюдена и полнота. Прежде, чѣмъ послѣдуетъ

развязка, борьба двухъ равныхъ силъ выразится въ нѣсколькихъ моментахъ колебанія, гдѣ перевѣсъ будетъ то на той, то на другой сторонѣ. Всѣ эти моменты должны быть отмѣчены въ разсказѣ съ знаніемъ дѣла со стороны автора (Кирибѣвичъ бьетъ въ грудь, какъ искусный боецъ; Калашниковъ бьетъ въ високъ). Читатель будетъ самъ переживать во время чтенія всѣ эти моменты, то боясь за судьбу излюбленнаго имъ героя, то торжествуя (какъ простой зритель, который смотритъ на канатнаго плясуна, то боится за него, то увлекается его ловкостью и до такой степени входитъ въ положеніе и роль канатнаго плясуна, что самъ то нагибается, какъ бы падаетъ, то снова выпрямляется). Съ *внѣшней* стороны вторая часть должна быть изложена *отрывочною* рѣчью и чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ эта рѣчь становится болѣе необходимою. Самый разсказъ въ этой части переходитъ въ описаніе; глаголы вмѣсто прошедшаго времени ставятся въ настоящемъ („Шведъ, рускій рубить, рѣжетъ, колетъ“. Полтавскій бой).

§ 34. *Содержаніе третьей части разсказа.* Къ третьей части разсказа передается о послѣдующихъ событіяхъ, о дальнѣйшей судьбѣ дѣйствующихъ лицъ. Иногда авторъ посвящаетъ третью часть выраженію своихъ чувствъ по поводу совершившихся событій, или размышленію въ виду тѣхъ же событій и исхода борьбы.

ГЛАВА VI.

Дидактическія сочиненія.

§ 35. *Различіе между описаніемъ и разсказомъ съ одной стороны и дидактическими сочиненіями съ другой.* Тотъ видъ словесныхъ произведеній, о которомъ будетъ рѣчь, называется вообще *дидактическимъ* или *поучительнымъ* (отъ

греческаго διδάσχω — учу). Онъ существенно отличается отъ описанія и повѣствованія. Описаніе имѣетъ цѣлю сообщить читателю знаніе объ описываемомъ предметѣ, обогатить его свѣдѣніями о природѣ, свойствахъ и признакахъ этого предмета. Разсказъ пишется также съ цѣлю сообщить читателю знаніе о повѣствуемыхъ событіяхъ. *Дидактическія* же сочиненія пишутся съ цѣлю *убѣдить* другихъ въ томъ, въ чемъ убѣжденъ самъ авторъ. Если бы кто либо не повѣрилъ описанію, представленному авторомъ, то ему оставалось бы или самому видѣть описанный авторомъ предметъ, или вѣрить другимъ очевидцамъ этого предмета. Тоже нужно сказать и о разсказѣ, — съ тою разницею, что сомнѣвающійся, не имѣя возможности самъ наблюдать событія, которыя уже совершились и вновь не повторятся, принужденъ ограничиться свидѣтельствомъ о нихъ другихъ очевидцевъ. Въ томъ и другомъ случаѣ — въ описаніи и разсказѣ, взятыхъ сами по себѣ, авторъ не занимается убѣжденіемъ читателей въ истинѣ того, что онъ говоритъ. Собственное наблюденіе или наблюденіе другихъ описываемаго предмета или разсказываемыхъ событій — вотъ единственный способъ для читателя, чтобы быть убѣжденнымъ въ истинѣ описываемаго и разсказываемаго авторомъ. Такимъ образомъ, предметы, сюда относящіеся, подлежатъ наблюденію *внѣшнихъ чувствъ* и свидѣтельству очевидцевъ, ихъ наблюдавшихъ. *Убѣжденіе*, которое составляетъ цѣль дидактическихъ сочиненій, — не таково; оно достигается при помощи *доказательствъ*, которыя состоятъ изъ заключеній или выводовъ неизвѣстнаго или неочевиднаго изъ извѣстнаго или очевиднаго. Такое убѣжденіе требуется тамъ, гдѣ для полнаго знанія предмета недостаточно бываетъ одного наблюденія при помощи внѣшнихъ чувствъ, хотя это на-

блюденіе и необходимо, чтобы сдѣлать заключеніе. Напр. каждый имѣетъ возможность видѣть термометръ и наблюдать, какъ ртуть, въ немъ находящаяся, поднимается и опускается; но нельзя видѣть *причину* или *силу*, которая поднимаетъ ртуть въ термометрѣ. Эта причина узнается нами при помощи заключенія. Такъ какъ ртуть въ термометрѣ поднимается всякій разъ, какъ дѣлается теплѣе, и опускается всякій разъ, какъ дѣлается холоднѣе, то это (намъ извѣстное при помощи наблюденія) приводитъ насъ къ тому *заключенію*, что ртуть поднимается и опускается въ термометрѣ вслѣдствіе измѣненій температуры,—перехода отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу (а не отъ другой какой либо предполагаемой причины). Когда наблюдателемъ узнана при помощи заключенія дѣйствующая причина или сила, которая была неизвѣстна и остается для многихъ неизвѣстною, то нужно еще со стороны наблюдателя умѣнье убѣдить другихъ въ томъ, въ чемъ онъ убѣдился, такъ какъ другіе могутъ думать иначе, что не рѣдко бываетъ, когда знаніе пріобрѣтается при помощи заключенія. Развѣ не думали раньше (да и теперь еще простой народъ думаетъ), что движется солнце, а не земля. Чтобы убѣдить другихъ въ чемъ либо, нужно представить доказательства. Эти-то доказательства и составляютъ существенный, отличительный признакъ дидактическихъ сочиненій въ сравненіи съ описаніемъ и разсказомъ.

§ 36. *Составныя части дидактическихъ сочиненій.* Прежде, чѣмъ говорить о доказательствахъ, составляющихъ отличительный признакъ дидактическихъ сочиненій, слѣдуетъ сказать о *составѣ* дидактическихъ сочиненій, т. е. о *частяхъ*, изъ которыхъ должно состоять каждое изъ нихъ, такъ какъ доказательства составляютъ лишь одну изъ этихъ частей, хотя и самую существенную.

Уже древніе различали два вида дидактическихъ сочиненій: а) *разсужденіе* и б) *ораторскую рѣчь*. Количество частей, входящихъ въ составъ разсужденія и ораторской рѣчи, не одинаково. Въ составъ разсужденія входятъ слѣдующія части: а) *приступъ*, б) *тема*, в) *дѣленіе*, г) *доказательства* и д) *заключеніе*. Кромѣ того, нѣкоторые вводятъ еще въ разсужденіе *разсказъ*, какъ отдѣльную часть, которую помѣщаютъ послѣ дѣленія. Въ ораторской же рѣчи, кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ частей, заключается еще такъ называемая *патетическая* часть, которая служитъ главнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ ораторской рѣчи. Эта часть обыкновенно помѣщается послѣ доказательствъ передъ заключеніемъ.

§ 37. *Необходимыя части разсужденія.* Всѣ перечисленныя части въ цѣломъ ихъ составѣ и въ указанномъ порядкѣ указываютъ планъ разсужденія тому, кто начинаетъ упражняться въ составленіи этого вида словесныхъ произведеній. Впрочемъ, хотя этотъ планъ разсужденій признается вообще наиболѣе употребительнымъ, но не всѣ части одинаково необходимы въ разсужденіи. Существенно необходимы три части: а) *тема*, б) *доказательства* и в) *заключеніе*.

§ 38. *Тема разсужденія.* *Тема* обыкновенно выражается предложеніемъ. Она составляетъ положеніе, которое желаетъ доказать сочинитель и истина котораго не для всякаго очевидна; напр. „съ животными слѣдуетъ обращаться гуманно“; „осѣдлая жизнь народовъ имѣетъ преимущество предъ кочевою“; „море имѣетъ вліяніе на жизнь и характеръ прибрежныхъ жителей“ и т. д. Такъ какъ тема заключаетъ въ себѣ указаніе предмета разсужденія, то она никоимъ образомъ не можетъ быть опущена въ разсужденіи. Авторъ долженъ обратить особенное вниманіе на *точность* выражений, когда фор-

мулируетъ тему, и не допускать метафоръ и двусмысленныхъ выраженій. Если поводомъ къ разсужденію служить народная пословица, напр. „сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ“, или — изреченіе писателя, напр., „прикасяйся смолѣ очернится“, то тема должна заключать въ себѣ смыслъ пословицы, который и выражается предложеніемъ, для всѣхъ понятнымъ; напр., „самъ себѣ вредитъ тотъ, кто небрежно относится къ дѣлу“.

§ 39. *Доказательства.* Нечего и говорить о томъ, что доказательства не могутъ быть опущены въ разсужденіи, такъ какъ онѣ составляютъ цѣль разсужденія. Но объ нихъ необходимо сказать подробно въ особомъ отдѣлѣ.

§ 40. *Заключеніе.* Въ заключеніи чаще всего перечисляется кратко все, о чемъ подробно говорилось въ разсужденіи. Если разсужденіе обширно, то понятно, насколько важно заключеніе, которое представляетъ сводъ всего сказаннаго. Да и въ краткомъ разсужденіи необходимо составлять заключеніе, дабы въ немъ въ краткихъ и точныхъ выраженіяхъ формулировать сущность приведенныхъ доказательствъ. При составленіи заключенія нужно быть въ выборѣ выраженій стольже строгимъ, какъ и при составленіи темы, т. е. требуется *точность* выраженій. Иногда въ заключеніи дѣлаются выводы изъ сказаннаго; эти выводы большею частію представляютъ *приложеніе къ практикѣ* истинъ теоретическихъ, доказанныхъ въ разсужденіи; напр., если доказано въ разсужденіи, что въ порочномъ обществѣ человекъ легко свыкается съ пороками и самъ дѣлается порочнымъ, то само собою слѣдуетъ, что нужно оберегать и отстранять дѣтей отъ дурнаго и порочнаго общества.

§ 41. *Приступъ.* Что касается *приступа*, то онъ не необходимъ въ разсужденіи, т. е. онъ можетъ быть и можетъ не быть. Большею частію считаютъ пуннымъ

составлять приступъ. Но онъ не имѣетъ опредѣленнаго и постоянно повторяющагося содержанія. Поэтому, для начинающихъ упражняться въ составленіи разсужденій наиболѣе затруднительнымъ кажется составленіе приступа. Такъ какъ приступъ стоитъ въ началѣ сочиненія, то по причинѣ трудности его составленія на него тратится наибольшее количество времени, — наибольшее количество бумаги и проч.; даже отъ утомленія вниманія является нежеланіе писать сочиненіе. Въ виду этого можно дать благоразумный совѣтъ: не тратить силъ и времени на составленіе приступа, если таковой не пишется, и писать разсужденіе безъ приступа или, по крайней мѣрѣ, заняться составленіемъ его тогда, когда разсужденіе написано. Чаше встрѣчаются слѣдующіе приемы составленія приступа: а) въ приступѣ излагается поводъ, побуждавшій автора къ рѣшенію вопроса разсужденія; б) въ немъ авторъ излагаетъ мнѣнія и взгляды другихъ на предметъ разсужденія; в) если берется изреченіе писателя, выражающее предметъ разсужденія, то въ приступѣ или сообщаются краткія свѣдѣнія о писателѣ, или объясняется, когда и чѣмъ вызвано изреченіе, или высказывается похвала писателю; г) если берется для темы народная пословица, то въ приступѣ говорится о значеніи и смыслѣ народныхъ пословицъ вообще, или частнѣе — развиваются мысли, относящіяся къ данной пословицѣ; если пословица образовалась исторически, то въ приступѣ объясняется ея историческое происхожденіе и т. д.

Но вообще опредѣленныхъ правилъ не существуетъ для составленія приступа и находчивость автора преимуществу имѣетъ здѣсь мѣсто. Особенно въ ораторскихъ рѣчахъ умѣстна оригинальность и изобрѣтательность въ приступѣ. Въ нихъ приступъ необходимъ бо-

лѣе, чѣмъ въ разсужденіяхъ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ораторъ можетъ въ своей рѣчи приступить прямо къ дѣлу. Ораторы допускаютъ иногда въ приступѣ такую свободу, что въ немъ рѣшаются говорить о томъ, что не относится непосредственно къ предмету рѣчи. Это дѣлается съ практическою цѣлю вызвать вниманіе къ себѣ слушателей.

§ 42. *Дѣленіе*. Другая часть, которая можетъ быть и можетъ не быть въ разсужденіи, есть *дѣленіе* или раздѣленіе, слѣдующее по порядку за темою.

Дѣленіе вообще необходимо въ разсужденіи наравнѣ съ другими существенными частями его. Отсутствіе дѣленія въ разсужденіи не говоритъ обыкновенно въ пользу автора и его логическаго образованія. Если сказано, что дѣленіе можетъ и не быть въ разсужденіи, то это послѣднее зависитъ не отъ произвола автора, а отъ самаго разсужденія: если предметъ разсматривается въ разсужденіи только съ одной стороны, то дѣленіе само собою устраняется.

Составленіе дѣленія затруднительно для начинающихъ упражняться въ составленіи разсужденій. Но такъ какъ отъ дѣленія зависитъ порядокъ изложенія доказательствъ и всестороннее разсмотрѣніе предмета, то необходимо научиться дѣлать дѣленіе. Нѣкоторыя логическія правила могутъ руководить начинающаго при составленіи дѣленія.

Логическія правила для составленія дѣленія. а) *Дѣленіе цѣлаго на части*. Логическія правила при составленіи дѣленія въ разсужденіи — тѣже, что и при составленіи дѣленія въ описаніи, а именно: дѣленіе *рода на виды* и *цѣлаго на части*. Дѣленіе *цѣлаго на части* здѣсь необходимо прежде всего; дѣленіе же *рода на виды* является здѣсь вспомогательнымъ приѣмомъ. Въ разсужденіи: „О

любви къ отечеству“ — Карамзина любовь къ отечеству дѣлится на любовь *физическую, нравственную и политическую* согласно природѣ человѣка, которая приспособительно къ темѣ можетъ быть раздѣлена, какъ цѣлое, на природу физическую, нравственную и политическую. Въ разсужденіи: „О превосходствѣ осѣдлой жизни народовъ передъ кочевою“, жизнь народовъ разсматривается со стороны правленія, со стороны устройства общественной и семейной жизни, со стороны занятій, промышленности и торговли, со стороны религіи, нравовъ, обычаевъ, образованія, воспитанія дѣтей. Въ разсужденіи: „О вліяніи моря на жизнь и характеръ прибрежныхъ жителей“ жизнь и характеръ представляютъ уже дѣленіе, данное въ темѣ, и въ свою очередь могутъ быть подвергнуты, какъ цѣлое, дѣленію.

б) *дѣленіе рода на виды*. Чтобы дѣленіе цѣлаго на части было цѣлесообразно и отвѣчало требованіямъ темы, для этого полезно присоединять къ нему дѣленіе *рода на виды* и сравненіе противоположныхъ видовъ. Это сравненіе видовъ даетъ возможность остановиться въ разсужденіи на тѣхъ лишь сторонахъ предмета, которыя особенно наглядно и ясно обнаруживаютъ очевидность истины, выраженной въ темѣ. Напр., если мы сравнимъ жизнь прибрежныхъ жителей съ жизнію народа, отдаленнаго отъ моря, то прежде всего увидимъ, что первые давно пользовались моремъ, какъ удобнымъ путемъ сообщенія съ другими странами и другими народами; а отъ этого у нихъ раньше и быстрѣе развилась цивилизація, торговля, промышленность; прибрежный житель по характеру предприимчивѣе, дѣятельнѣе, сообразительнѣе, если мы сравнимъ его, напр., съ степнымъ жителемъ и т. д. Если мы хотимъ раскрыть въ разсужденіи „вліяніе огня на жизнь людей, въ первый

разъ его открывшихъ“, то должны сравнить жизнь людей до открытія огня и послѣ его открытія. Этимъ способомъ сдѣлается очевиднымъ, что человѣкъ при помощи огня получилъ возможность питаться переваренною пищею вмѣсто сырой и неудобоваримой, а это производило благотворное вліяніе на его организмъ; онъ получилъ возможность жить въ тепломъ жилищѣ, а это благопріятствовало развитію семейной жизни и воспитанію дѣтей, а также—движенію людей въ болѣе холодныя страны; наконецъ, чрезъ огонь человѣкъ получилъ возможность имѣть свѣтъ, когда скрывалось солнце и наступала ночь; чрезъ это онъ могъ употреблять на работу большее количество времени, чѣмъ прежде—до открытія огня.

§ 43. *Доказательства. Доказательство отъ примѣра.* Дѣленіе цѣлаго на части указываетъ, съ какихъ сторонъ будетъ разсматриваться въ разсужденіи данный предметъ; сравненіе противоположныхъ видовъ даетъ рядъ положеній, истина которыхъ должна быть доказана. Какимъ же образомъ доказываются положенія?

Самый простой и наиболѣе употребительный способъ доказательства есть *доказательство отъ примѣра* или цѣлаго ряда примѣровъ. Въ доказательство того, что „у прибрежныхъ жителей быстрѣе и раньше развилась цивилизація, чѣмъ у народовъ отдаленныхъ отъ моря“, слѣдуетъ указать на Финикіанъ, Грековъ, Карфагенянъ, Римлянъ въ древнемъ мірѣ; — на Испанцевъ, Португальцевъ, Англичанъ и друг. въ новомъ мірѣ. Въ доказательство того, что „жизнь великихъ людей состояла въ непрерывномъ и усиленномъ трудѣ“, также слѣдуетъ перечислить цѣлый рядъ великихъ людей: полководцевъ, государственныхъ мужей, артистовъ, поэтовъ, ораторовъ, ученыхъ и друг., какъ древняго, такъ и новаго

міра съ указаніємъ фактовъ изъ ихъ жизни, подтверждающихъ положеніе.

Чѣмъ больше примѣровъ бываетъ указано, тѣмъ сильнѣе считается доказательство. Но иногда ограничиваются и однимъ примѣромъ. Напр., Иисусъ Христосъ говоритъ книжникамъ, что „суббота существуетъ для человека, а не человекъ для субботы“, и доказываетъ это положеніе примѣромъ изъ жизни царя Давида. Когда ученики Иисуса Христа срывали въ субботу колосья и ѣли и книжники указывали на это Иисусу Христу, упрекая его учениковъ въ томъ, что они не хранятъ закона относительно субботы, то Онъ въ оправданіе своихъ учениковъ указалъ на Давида, который, будучи голоденъ, вошелъ въ храмъ и взялъ съ жертвенника хлѣбъ, который и самъ ѣлъ и давалъ ѣсть другимъ, съ нимъ бывшимъ, и который закономъ запрещено было ѣсть кому бы то ни было, исключая священниковъ.

§ 44. *Доказательство отъ противнаго.* Но и большое количество примѣровъ не составляетъ еще вполне совершеннаго доказательства. Для большей убѣдительности въ истинѣ положенія обращаются послѣ перечисленія однородныхъ примѣровъ или случаевъ еще къ случаямъ или примѣрамъ *противоположнымъ*. Если въ послѣднихъ отсутствуетъ признакъ, существованіе котораго доказывается въ примѣрахъ перваго рода, то такого рода доказательство *отъ противнаго* считается наиболѣе сильнымъ и убѣдительнымъ. Напр., если у народовъ, отдаленныхъ отъ моря и не имѣющихъ удобныхъ путей сообщенія, дѣйствительно не замѣчается развитія цивилизаціи или она находится на низкой ступени и развивается весьма медленно и туго, то указаніе на это внушаетъ болѣе довѣрія къ положенію, что жизнь при морѣ способствуетъ развитію цивилизаціи. Черезъ этотъ же способъ доказа-

тельства мы убѣждаемся и въ томъ, что жизнь при морѣ способствуетъ также развитію торговли. Когда Карамзинъ говоритъ о существованіи въ человѣкѣ физической любви къ родинѣ, то не ограничивается указаніемъ лишь на человѣка, но указываетъ также и на растенія, которыя гибнуть, или, по крайней мѣрѣ, дурно растутъ и развиваются, когда бывають перенесены изъ одного климата въ другой. Но и этимъ перечисленіемъ однородныхъ примѣровъ онъ не довольствуется. Онъ говоритъ, что если жителя Лапландіи, страны суровой и непривѣтливой, переселить на югъ — въ Италію, страну съ роскошною природою и теплымъ климатомъ, то онъ будетъ скучать здѣсь и вздыхать о вьюгахъ и метеляхъ своего сѣвера. Равнымъ образомъ, когда Карамзинъ говоритъ о нравственной любви къ родинѣ, то указываетъ на то, какъ два единоземца бывають рады за границею встрѣтиться вмѣстѣ: это — потому, что тотъ и другой воспитаны въ одинаковыхъ правахъ, привычкахъ, воззрѣніяхъ и образѣ жизни своей родины или иначе — имѣють одинаковую нравственную любовь къ родинѣ.

§ 45. *Причина доказываемаго явленія.* Убѣдительность этого рода доказательствъ зависитъ отъ того, что такимъ образомъ бываетъ указана дѣйствительная (а не мнимая) причина доказываемаго явленія. Безъ доказательства отъ противнаго мы могли бы еще сомнѣваться въ томъ, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительною причиною явленія; напр., мы говоримъ, что существуетъ у человѣка физическая любовь къ родинѣ, и доказываемъ это цѣлымъ рядомъ примѣровъ, а именно: указываемъ на французовъ, которые, живя въ Россіи, скучають по своей родинѣ, — на итальянцевъ, швейцарцевъ, у насъ живущихъ, которые также постоянно чувствуютъ, что лишь необходимость заставляетъ ихъ жить внѣ родины. Но намъ

могутъ сказать, что это явленіе зависитъ отъ того, что страны: Франція, Италія и Швейцарія въ сравненіи съ Россією отличаются лучшимъ климатомъ и лучшимъ устройствомъ жизни; такимъ образомъ, подвергнуть сомнѣнію то положеніе, что скука по родинѣ происходитъ отъ любви къ родинѣ, какова бы послѣдняя ни была. Но когда будетъ указано, что и Лапландецъ скучаетъ по своей родинѣ, живя въ — Италіи странѣ неизмѣримо лучшей по климату и образу жизни, то сомнѣніе необходимо должно разсѣяться.

§ 46. Методы изслѣдованія причины: а) *методъ совпаденія*, б) *методъ разницы*. Въ Логикѣ указываются два метода, сюда относящіеся, по которымъ отыскивается причина, когда извѣстно дѣйствіе, или отыскивается дѣйствіе, когда извѣстна причина. Одинъ изъ нихъ называется методомъ *совпаденія* или *согласія*, а другой — методомъ *разницы*. Правило метода совпаденія — слѣдующее: „если двумъ или болѣе случаямъ обще лишь одно обстоятельство и только въ этомъ обстоятельствѣ совпадаютъ всѣ случаи, то оно есть причина (или дѣйствіе) даннаго явленія“. Правило метода разницы — слѣдующее: „если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе встрѣчается, и случай, въ которомъ оно не встрѣчается, совпадаютъ во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ случаѣ, то это обстоятельство, составляющее разницу между двумя случаями, есть дѣйствіе или причина или необходимая часть причины явленія“. Методъ совпаденія и методъ разницы могутъ соединяться при изслѣдованіи. Правило соединеннаго метода — слѣдующее: „если два или болѣе случая, въ которыхъ встрѣчается явленіе, имѣютъ лишь одно общее обстоятельство, между тѣмъ какъ два или болѣе случая, въ которыхъ не встрѣчается тоже явленіе, не имѣ-

ютъ ничего общаго между собою, кромѣ отсутствія этого обстоятельства, то обстоятельство это, въ которомъ одномъ лишь разнятся два ряда случаевъ, есть дѣйствіе или причина явленія, или необходимая часть причины явленія.“

в) *Методъ сопутствующихъ измѣненій.* Въ Логикѣ указывается еще одинъ методъ, которымъ съ пользою и удобствомъ можетъ воспользоваться въ своихъ доказательствахъ пишущій разсужденіе. Этотъ методъ называется методомъ *сопутствующихъ измѣненій*. Правило его—слѣдующее: „если какое либо явленіе измѣняется извѣстнымъ образомъ всякій разъ, какъ измѣняется другое явленіе, то мы заключаемъ, что эти два явленія связаны между собою, какъ причина и дѣйствіе“. Напр., если послѣ завоеванія Петромъ Великимъ береговъ балтійскаго моря—по мѣрѣ того, какъ развивалось у русскихъ мореплаваніе, развивалась вмѣстѣ торговля и цивилизація въ Россіи, то это служитъ доказательствомъ, что море способствуетъ развитію торговли и цивилизаціи въ странѣ, къ нему прилегающей.

§ 47. *Индуктивныя и дедуктивныя доказательства.* Всѣ вышеуказанныя доказательства называются *индуктивными* и основываются на *индукціи* или заключеніи *отъ частнаго къ общему*. Но существуютъ и иного рода доказательства, которыя называются *дедуктивными* и основываются на *дедукціи* или заключеніи *отъ общаго къ частному*.

§ 48. *Общія и частныя положенія.* Всякій разъ, какъ мы приступаемъ къ доказательствамъ какого либо положенія, мы должны напередъ опредѣлить: относится ли это положеніе къ разряду *общихъ* или *родовыхъ*, или же оно относится къ *частнымъ* или *видовымъ* положеніямъ. Если подлежащее въ предложеніи, выражающемъ собою положеніе, представляетъ *родъ*, то положеніе на-

зывается *общимъ*; напр., въ предложении: „море имѣетъ вліяніе на прибрежныхъ жителей“ *море* есть *родъ*; слѣдовательно, это положеніе слѣдуетъ назвать общимъ (въ смыслѣ: всѣ моря). Если же подлежащее въ предложении, выражающимъ положеніе, представляетъ *видъ*, или единичный предметъ, то положеніе называется *частнымъ*; напр., въ предложении: „Балтійское море имѣетъ вліяніе на прибрежныхъ жителей“, *Балтійское море* есть предметъ единичный; слѣдовательно, это положеніе нужно назвать частнымъ. *Общія* положенія доказываются обыкновенно по *индукции*, а *частныя* положенія доказываются по *дедукции*.

§ 49. *Силлогизмъ и его составныя части.* Форма дедуктивнаго доказательства есть *силлогизмъ*. Онъ состоитъ изъ двухъ *посылокъ* — большей и меньшей и *заключенія* и строится слѣдующимъ образомъ: „всѣ люди способны заблуждаться“ (*большая посылка*, заключающая въ себѣ общее положеніе); „философы суть люди“ (*меньшая посылка*, заключающая въ себѣ частное положеніе); „слѣдовательно, философы способны заблуждаться“ (*заключеніе*). Это заключеніе дѣлается на томъ основаніи, что „все, что принадлежитъ роду, принадлежитъ и видамъ этого рода“. Нерѣдко меньшая посылка опускается; напр. „всѣ люди умираютъ; слѣдовательно, и мы умремъ“. Особенно въ обыденной жизни мы пользуемся этою сокращенною формою дедуктивнаго доказательства; напр., когда насъ спрашиваютъ: почему мы такъ, а не иначе, думаемъ, говоримъ, поступаемъ, то мы нерѣдко отвѣчаемъ: теперь всѣ такъ думаютъ, говорятъ, поступаютъ. Полная форма силлогизма — такая: въ настоящее время въ данномъ обществѣ принято поступать такъ, а не иначе; я принадлежу къ этому обществу; слѣдовательно и я долженъ поступать такъ.

§ 50. *Виды общихъ положеній.* Въ разсужденіяхъ для доказательства извѣстнаго частнаго положенія мы ссылаемся на законъ божественный или предписанія религіи, заключающіяся въ Св. Писаніи, на нравственныя правила, въ которыхъ мы воспитаны съ дѣтства, на истины науки, на общественное мнѣніе и т. д. Все это играетъ роль *общихъ положеній* въ нашихъ доказательствахъ. Сюда же относятся и народныя пословицы.

§ 51. *Значеніе аллегорій, сказокъ, басней и притчей въ доказательствахъ.* Кромѣ указанныхъ логическихъ видовъ доказательствъ употребляются еще въ ораторскихъ рѣчахъ, (а иногда и въ разсужденіяхъ) своеобразныя способы доказательства. Такъ, напр., ораторъ прибѣгаетъ къ *аллегоріи*, рассказываетъ сказку, передаетъ басню. Въ Евангеліи находится много *притчей*, которыми пользовался Іисусъ Христосъ для нагляднаго объясненія высокихъ истинъ, которыя Онъ проповѣдывалъ ученикамъ и народу.

§ 52. *Доказательства по аналогіи.* Есть и въ Логикѣ подобнаго рода доказательства. Это — доказательства или заключенія *по аналогіи*. Хотя въ Логикѣ и не придаютъ имъ большаго значенія, но въ ораторскихъ рѣчахъ и разсужденіяхъ онѣ могутъ быть съ пользою употребляемы.

Заключеніе *по аналогіи* есть заключеніе по *сходству* или *вѣрнѣе* — по *подобію*. Примѣры легко могутъ объяснить этого рода заключенія и доказательства. Напр., однажды книжники спросили Іисуса Христа: „законно ли испѣлять въ субботу?“ На это Онъ отвѣтилъ имъ слѣдующимъ образомъ: „что сдѣлалъ бы каждый изъ васъ, если бы имѣлъ одну овцу и эта овца въ субботній день упала въ яму? не пошелъ ли бы онъ вынуть ее изъ ямы?“ И затѣмъ продолжалъ: „развѣ человекъ не лучше овцы?“ Слѣдовательно, заключилъ Онъ, дѣлать

добро законно и въ субботу“. Если въ двухъ или болѣе предметахъ мы находимъ рядъ сходныхъ признаковъ, то на основаніи этого мы рѣшаемся дѣлать заключеніе и доказывать, что эти предметы сходны между собою и въ другихъ признакахъ. Напр., „мы можемъ найти большое сходство между землею, на которой мы живемъ, и другими планетами: Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ, Венерою и Меркуріемъ. Онѣ движутся около солнца хотя на различномъ разстояніи и въ различный періодъ времени. Онѣ всѣ заимствуютъ свѣтъ отъ солнца, какъ и земля. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что онѣ обращаются около своей оси, какъ и земля; поэтому, на нихъ также, какъ и на землѣ, день смѣняется ночью и ночь—днемъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ луны, которыя сообщаютъ имъ свѣтъ въ отсутствіи солнечнаго свѣта, какъ и наша луна. Всѣ онѣ подчинены въ своемъ движеніи закону тяготѣнія, какъ и земля. На основаніи такого сходства другихъ планетъ съ землею можно думать, что онѣ служатъ обиталищемъ различныхъ живыхъ веществъ“.

Сходство между двумя предметами можетъ быть или близкое, существенное, или отдаленное. Въ примѣрѣ: „колоніи должны быть въ такой же зависимости отъ территоріи, въ какой находятся дѣти отъ родителей“ мы видимъ только отдаленное сходство между сравниваемыми предметами. Доказательства этого рода больше дѣйствуютъ на воображеніе, чѣмъ убѣждаютъ разсудокъ.

ГЛАВА VII.

Ораторскія рѣчи.

§ 53. *Реторика, какъ наука.* Въ древности существовала отдѣльная наука, предметомъ которой были оратор-

скія рѣчи и правила для составленія ихъ. Эта наука называлась *Реторикою* (отъ греч. глагол. *ῥέω* — говорю).

§ 54. *Отличіе ораторской рѣчи отъ разсужденія.* При всемъ сходствѣ ораторской рѣчи съ разсужденіемъ она имѣетъ и существенныя отличія отъ послѣдняго. По *внѣшней формѣ* ораторская рѣчь *сложнѣе* разсужденія: въ ней есть часть, которая не входитъ въ разсужденіе; это — такъ называемая *патетическая часть*. И съ *внутренней стороны* ораторская рѣчь *сложнѣе* разсужденія: она дѣйствуетъ на большее количество душевныхъ способностей, чѣмъ разсужденіе; поэтому, она требуетъ отъ ея составителя болѣе разнообразныхъ знаній и болѣе сложныхъ способовъ дѣйствія на душевныя способности, чѣмъ разсужденіе.

Пишущій разсужденіе имѣетъ цѣлію *убѣдить рассу-
докъ* въ извѣстной истинѣ при помощи логическихъ доказа-
тельствъ. Ораторъ имѣетъ цѣлію *побудить волю слушателей*
къ дѣйствию. Для достиженія этой цѣли ораторъ старается
а) дѣйствовать на *разсудокъ* слушателей логическими до-
казательствами и б) дѣйствовать на *чувство* ихъ, такъ
какъ воля человѣка находится подъ вліяніемъ той или дру-
гой изъ указанныхъ душевныхъ способностей, или подъ
вліяніемъ обѣихъ вмѣстѣ.

§ 55. *Дедуктивныя доказательства въ ораторскихъ рѣчахъ.*
Изъ ораторскихъ рѣчей наиболѣе видное мѣсто зани-
маютъ *политическія* и *судебныя* рѣчи. Тѣ и другія пи-
шутся и говорятся большею частію по поводу *частныхъ*
случаевъ. Поэтому, очевидно, что изъ логическихъ доказа-
тельствъ наиболѣе употребительны здѣсь *дедуктивныя*
доказательства. Особенно это относится къ *судебнымъ*
рѣчамъ, такъ что вся рѣчь по своему построенію мо-
жетъ быть сведена къ краткой формѣ *силлогизма*. Мы

говоримъ объ *обвинительной рѣчи*. Обыкновенно обвинитель, группируя извѣстнымъ образомъ всѣ *свидѣтельскія показанія* между собою и съ указаніями такъ называемыхъ *вещественныхъ доказательствъ*, старается доказать, что преступленіе совершено лицомъ обвиняемымъ; если же это — несомнѣнно, то старается доказать, что обвиняемое лицо не можетъ быть освобождено отъ наказанія по закону. Говоря языкомъ логики, здѣсь устанавливается и создается *меньшая посылка* силлогизма, состоящая въ подведеніи частнаго случая подъ *родъ* или *общее положеніе*; т. е. отыскиваются въ обвиняемомъ всѣ признаки, изобличающіе въ немъ извѣстнаго рода преступника, напр., убійцу. Коль скоро это достигнуто и произнесено: „виновенъ“, то для судей остается сдѣлать *заключеніе* на основаніи указаній закона, которыя въ видѣ общихъ положеній, заключающихся въ „Сводѣ Законовъ“, занимаютъ въ силлогизмѣ мѣсто *большой посылки*. Весь силлогизмъ въ его полной формѣ будетъ таковъ: всякій, совершившій такое-то преступленіе, подвергается такому-то наказанію; такіе-то и такіе-то признаки доказываютъ, что такой-то совершилъ это преступленіе; слѣдовательно, онъ подлежитъ указанному наказанію.

Таково общее направленіе обвинительной рѣчи въ судѣ. Но чтобы прочно установить каждый изъ признаковъ, обличающихъ въ данномъ лицѣ извѣстнаго рода преступника, нерѣдко нуженъ бываетъ цѣлый рядъ заключеній, выводовъ, доказательствъ.

§ 56. *Другіе виды доказательствъ въ ораторскихъ рѣчахъ.* Въ рѣчахъ политическихъ и другихъ кромѣ дедуктивныхъ доказательствъ употребляются и другіе виды доказательствъ, смотря по содержанію рѣчей и темѣ, которая служитъ предметомъ доказательствъ, какъ-то: дока-

зательства *индуктивныя*, доказательства по *аналогии* и т. д.

§ 57. *Размѣщеніе доказательствъ и изложеніе ихъ.* При *изложеніи* и размѣщеніи доказательствъ нужно соблюдать извѣстныя правила. Общее правило, сюда относящееся, таково: при изложеніи нужно начинать съ доказательствъ наиболѣе слабыхъ и постепенно восходить къ болѣе сильнымъ доказательствамъ. Это правило одинаково должно быть соблюдаемо какъ въ ораторскихъ рѣчахъ, такъ и въ разсужденіяхъ. Но не всегда одинаковыя доказательства считаются слабыми и сильными въ ораторскихъ рѣчахъ и разсужденіяхъ. Ораторъ, дѣйствуя на разсудокъ логическими доказательствами, никогда не долженъ упускать изъ виду и дѣйствіе на воображеніе слушателей; а это обязываетъ его къ тому, чтобы оцѣнивать доказательства и съ этой стороны, т. е. со стороны дѣйствія ихъ на воображеніе. Таковы доказательства на *аналогии* и чрезъ *сравненіе*, а также *аллегоріи*, *притчи*, *примѣры*, *контрасты*, которые служатъ въ ораторскихъ рѣчахъ способами доказательства; дѣйствуя на разсудокъ, они дѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на воображеніе слушателей. Равнымъ образомъ, при изложеніи доказательствъ въ ораторскихъ рѣчахъ въ противоположность разсужденіямъ слѣдуетъ по возможности избѣгать *отвлеченной* рѣчи и употреблять *конкретныя* выраженія. Вообще изложеніе въ ораторскихъ рѣчахъ слѣдуетъ оживлять описаніями, характеристиками, краткими разсказами.

§ 58. *Необходимость дѣйствія на воображеніе и на чувство.* Дѣйствіе на воображеніе слушателей есть путь къ дѣйствию на *чувство* ихъ. Возбужденіе чувства есть болѣе сильное и болѣе надежное средство побудить волю къ дѣйствию, чѣмъ убѣжденіе разсудка. Сюда-то, т. е. къ воз-

бужденію чувства и должны быть направлены особенныя усилія оратора.

Оратору рѣдко бываетъ возможно доказать истину такъ точно, какъ это бываетъ возможно въ наукѣ. Большею же частію въ доказательствахъ остаются пробѣлы, которые даютъ противникамъ возможность пошатнуть и ослабить силу и убѣдительность логическихъ доказательствъ, приводимыхъ ораторомъ. Если ученому не достаетъ доказательствъ, чтобы убѣдить читателя въ истинѣ, имъ доказываемой, то онъ не стѣсняется этимъ, потому что знаетъ, что полное раскрытіе и доказательство истины будетъ сдѣлано впоследствии; если не имъ, то другими будетъ это достигнуто. Ораторъ большею частію имѣетъ дѣло съ вопросами, рѣшеніе которыхъ не терпитъ отлагательства. При такихъ обстоятельствахъ очень возможны пробѣлы въ доказательствахъ, которые при недостаткѣ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ, не могутъ быть выполнены. Поэтому, естественно, что ораторъ обращается къ другимъ средствамъ для достиженія цѣли. Съ другой стороны, и при полной убѣдительности доказательствъ разсудокъ не такъ сильно дѣйствуетъ на волю, какъ дѣйствуетъ на нее чувство, когда оно бываетъ сильно возбуждено.

§ 59. *Характеръ душевныхъ волненій.* Чувства или *чувствованія* (въ отличіе отъ внѣшнихъ чувствъ) называются иначе *душевыми волненіями*. Это указываетъ на ихъ свойства. Въ противоположность мысли или дѣйствію ума чувства приводятъ человѣка въ *возбужденное, страстное* состояніе. Подъ вліяніемъ этого-то страстнаго состоянія слушатель дѣйствуетъ такъ, какъ желаетъ ораторъ.

§ 60. *Названіе патетической части.* *Патетическая часть*, которая съ внѣшней стороны отличаетъ оратор-

скую рѣчь отъ разсужденія, имѣетъ своимъ назначеніемъ дѣйствіе на чувство для его возбужденія; отсюда она получила и свое названіе (греч. *πάθος* — русск. *паоось*, страсть, возбужденное состояніе).

§ 61. *Свойства ума и характеръ знаній оратора.* Для возбужденія въ слушателяхъ чувства не существуетъ такихъ опредѣленныхъ правилъ, какія существуютъ для убѣжденія разсудка. Поэтому, находчивость и изобрѣтательность отличаютъ способнаго оратора. Но это не значитъ, что ораторъ можетъ обойтись безъ образованія и знаній; напротивъ, образованіе и знанія также необходимы оратору, какъ и ученому. Особенно знанія жизни и людей съ ихъ характерами необходимы для оратора, иначе онъ не можетъ опредѣлить, на какія чувства слушателей ему нужно дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ.

§ 62. *Различные классы слушателей и виды страстей, въ нихъ преобладающихъ.* Ораторъ напередъ долженъ знать, кто — его слушатели. Люди различнаго происхожденія, положенія въ обществѣ, состоянія, профессіи, образованія, пола, возраста и проч. могутъ быть увлекаемы различными чувствами. Дѣйствительно, эти чувства весьма разнообразны. Одни изъ людей легко поддаются чувству *страха* и суевѣрной боязни; другіе, напротивъ, горды въ сознаніи своей *силы*; однихъ сильно увлекаетъ *личный интересъ* и стремленіе къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ; другіе, напротивъ, впечатлительны къ *страданіямъ* и горю ближнихъ; есть много такихъ, которые ревниво оберегаютъ свое *личное достоинство* и *честь рода* и до болѣзненности чувствительны къ малѣйшимъ оскорбленіямъ; но есть и такіе, которымъ доступно чувство *справедливости* и стремленія къ высшей *правдѣ* являются требованіями ихъ натуры; одни легко

увлекаются всѣмъ новымъ; другіе, наоборотъ, крѣпко держатся *отеческихъ преданій*; одинъ воспитанъ въ чувствѣ *дома*, въ суровой дисциплинѣ и требователенъ въ этомъ по отношенію къ другимъ; у другаго развито *эстетическое* чувство и чувство благоприличія и т. д. Словомъ, передъ ораторомъ раскрывается широкое поле человѣческихъ страстей, которыя онъ можетъ будить въ слушателяхъ сообразно съ преслѣдуемыми имъ цѣлями. И дѣйствительно, искусный и опытный ораторъ господствуетъ надъ слушателями. Однихъ онъ держитъ подъ вліяніемъ страха и угрожаетъ; льститъ самолюбію другихъ; затрагиваетъ личные интересы третьихъ; рисуется картину человѣческихъ страданій передъ четвертыми и т. д.

§ 63. *Общія чувства подъ вліяніемъ господствующихъ въ обществѣ идей.* Существуетъ мода и на чувства; т. е. въ извѣстное время въ обществѣ являются преобладающими извѣстныя чувства подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и господствующихъ въ обществѣ идей. Конечно, ораторъ не преминетъ воспользоваться этими чувствами для своихъ цѣлей, — тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ его задача упрощается, такъ какъ устраняется затрудненіе принимать въ соображеніе особенности характеровъ слушателей. Таковы, напр., *патріотическія* чувства передъ войною и во время войны.

§ 64. *Реторическія фигуры.* Хотя не существуетъ опредѣленныхъ правилъ для составленія *патетической* части ораторской рѣчи, но уже въ древности софисты и риторы занимались изысканіемъ нѣкоторыхъ *общихъ приѣмовъ* или способовъ дѣйствія на чувства слушателей и намѣтили нѣсколько такихъ способовъ. Эти способы названы составителями реторики *реторическими фигурами*.

§ 65. *Тѣсная связь между воображеніемъ и чувствомъ.* На чувство дѣйствуютъ образы воображенія. Эти двѣ

способности дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что при возникновеніи въ насъ какого либо чувства немедленно и помимо нашей воли возникаютъ въ нашемъ воображеніи соотвѣтствующіе, соединенные (ассоціированные) съ этимъ чувствомъ, образы, и наоборотъ: образы воображенія вызываютъ въ насъ соединенныя съ ними чувства. Мать, потерявшая сына, не можетъ удержаться отъ слезъ, коль скоро образъ умершаго сына возникнетъ въ ея воображеніи подъ вліяніемъ какого либо впечатлѣнія. Таже мать не можетъ удалить отъ себя страшныхъ образовъ, возникающихъ въ ея воображеніи, если она начинаетъ беспокоиться о живомъ сынѣ, находящемся въ отсутствіи. Это показываетъ, какъ долженъ поступать ораторъ, чтобы возбудить въ душѣ слушателей то или другое чувство: онъ долженъ дѣйствовать на воображеніе слушателей.

§ 66. *Описаніе и разсказъ въ ораторской рѣчи.* Отвлеченныя мысли, развиваемыя строго логически и выражаемыя сжато, не возбуждаютъ чувствъ въ душѣ слушателей. Ораторъ долженъ въ патетической части рѣчи воплотить эти мысли въ конкретныя (предметныя) образы, перевести ихъ въ разсказъ или описаніе, или въ то и другое вмѣстѣ. Напр., если темою ораторской рѣчи служить вопросъ: „о необходимости вспоможенія бѣднымъ“, то въ патетической части умѣстно изобразить или общую картину жизни бѣдныхъ, или — ту, которую видѣлъ говорящій.

§ 67. *Антитеза или контрастъ.* Эта картина еще сильнѣе подѣйствуетъ на воображеніе слушателей, если въ параллель съ нею будетъ изображена противоположная картина жизни богача, проводимая въ непрерывныхъ пирахъ, довольствѣ и роскоши (въ Евангеліи притча о богачѣ и Лазарѣ). Это противопоставленіе составляетъ

одну изъ риторическихъ фигуръ, которая называется *анти-тезомъ* или *контрастомъ*. Она наиболѣе употребительна въ ораторскихъ рѣчахъ. Составить ее не трудно, а между тѣмъ сильное дѣйствіе ея на слушателей несомнѣнно.

§ 68. *Обращеніе*. Не менѣе, если не болѣе сильно дѣйствуетъ на воображеніе слушателей другая риторическая фигура, употребляемая ораторами въ той же патетической части: *обращеніе*. Она состоитъ въ томъ, что ораторъ дѣлаетъ обращеніе къ лицамъ отсутствующимъ, какъ бы къ присутствующимъ. Духовный ораторъ Платонъ, говоря проповѣдь въ Петропавловскомъ Соборѣ въ 1770 г. по случаю торжества побѣды Русскихъ надъ Турецкимъ флотомъ при Чесмѣ, подошелъ къ границѣ Петра Великаго и сказалъ: „Встань теперь Великій Монархъ, Отечества нашего Отецъ, встань и возри на любезное изобрѣтеніе твое (т. е. на флотъ); оно не истлѣло отъ времени.... Слыши! Мы тебѣ, какъ живому, вещаемъ! флотъ твой въ архипелагѣ близъ береговъ Азійскихъ аттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя именемъ твоимъ, весь востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія“. Обращеніе не рѣдко соединяется съ *олицетвореніемъ*, которое также считается риторическою фигурою. Примѣромъ фигуры обращенія, соединеннаго съ олицетвореніемъ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Цицерона противъ Катилины: „Отечество тебѣ, Катилина, скажетъ своими устами слѣдующее! ты всячески причинялъ мнѣ зло. Ты безнаказанно предалъ смерти многихъ дѣтей моихъ, безъ зазрѣнія совѣсти грабилъ ты и раззорялъ моихъ союзниковъ. Нѣтъ такого преступнаго замысла, Катилина, котораго я не могла бы ожидать отъ тебя.... А потому удались, дай мнѣ опомниться отъ твоего страха“.

§ 69. *Фигура постепеннаго восхожденія.* По силѣ дѣйствія на воображеніе и чувство не уступаетъ другимъ реторическимъ фигурамъ фигура *постепеннаго восхожденія*. Въ примѣръ этой фигуры обыкновенно приводятъ мѣсто изъ рѣчи Цицерона противъ Верреса, правителя Сициліи, казнившаго римскаго гражданина Гавія послѣ предварительныхъ истязаній его. „Заключить въ темницу римскаго гражданина есть оскорбленіе, говорить Цицеронъ; наказать его плетью — тяжкое преступленіе; предать его смерти — почти отцеубійство; но распять его — какъ я долженъ назвать это?“ Пользоваться этою фигурою особенно удобно тамъ, гдѣ природа въ своихъ твореніяхъ и ихъ частяхъ установила степени совершенства, или жизнь намѣтила ступени постепеннаго прогрессивнаго движенія къ совершенству. Составитель этой фигуры долженъ предварительно установить въ своемъ умѣ крайнія точки и всѣ посредствующія ступени и затѣмъ путемъ *сравненія* даннаго случая съ этою установленною идеальною мѣрою показать, что есть и чего нѣтъ въ разсматриваемомъ случаѣ, восходя при этомъ постепенно по ступенямъ отъ низшей точки къ высшей, или, на оборотъ, нисходя отъ высшей точки къ низшей. Фигура постепеннаго восхожденія употребляется по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда или восхваляютъ когонибудь (въ панегирикахъ), или порицаютъ когонибудь. „Много на свѣтѣ удивительнаго; но нѣтъ удивительнѣе человѣка. Онъ научился воздѣлывать землю и ѣздить по морямъ. Онъ владѣетъ искусствомъ ловить птицъ и дикихъ животныхъ. Онъ водить подъ ярмомъ гордаго коня и неукротимаго вола. Онъ научился владѣть рѣчью и понялъ силу законовъ, управляющихъ городами. Онъ научился строить жилища, чтобы укрываться отъ дождя и холода.

Нѣтъ для него непредвидѣннаго въ будущемъ. Одной лишь смерти избѣжать онъ не можетъ, хотя избобрѣлъ средства противъ тяжкихъ болѣзней. (Софокль-Антигона).

§ 70. *Иронія*. Слѣдуетъ сказать еще объ одной весьма важной реторической фигурѣ: *ироніи*. Въ ней заключается сильное орудіе воздѣйствія на слушателей. Но нужно обладать талантомъ *остроумія*, чтобы пользоваться этою фигурою. Этотъ талантъ признается прирожденнымъ свойствомъ въ человѣкѣ; но возможно при помощи упражненія развить въ себѣ до извѣстной степени способность *иронизировать*. Остроуміе состоитъ въ искусномъ сближеніи противоположностей, когда обладающій остроуміемъ неожиданно для другихъ укажетъ сходство тамъ, гдѣ другіе видятъ только противоположности, одна другую исключаящія. Иронизирующій представляетъ обыкновенно малымъ, низкимъ, ничтожнымъ, пошлымъ то, что казалось другимъ высокимъ, важнымъ, великимъ, или на оборотъ: представляетъ высокимъ, важнымъ, великимъ то, что вообще признается ничтожнымъ, обыденнымъ, низкимъ. Для примѣра вспомнимъ слова пророка Іліи, обращенныя къ жрецамъ Ваала, которые тщетно просили своего бога ниспослать на жертву огонь. „Кричите громче, говорилъ онъ имъ, вѣдь онъ — богъ: можетъ быть, ему недосугъ и онъ занятъ чѣмъ нибудь, или онъ спитъ“... Кто желаетъ пользоваться въ рѣчи фигурою ироніи, тотъ долженъ знать и помнить, что *истинно высокое* не должно быть сближаемо съ низкимъ и пошлымъ, иначе такое сближеніе оскорбитъ слушателей; только *мнимое, кажущееся высокое* подвергается насмѣшкѣ; только оно можетъ быть сближаемо съ низкимъ.

V. 1428

Boid. N 65 legs. Utter

20/11-25

Boke — 20/11 225